

ЕКАТЕРИНА
СЛОВА

Джаман
ПЛЕННИЦА
ТИРАНА

18+

Екатерина Орлова
Джанан. Пленница тирана
Серия «По законам пустыни», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67292639

SelfPub; 2022

Аннотация

Меня отдали в гарем могущественного мужчины, чтобы уберечь от еще более страшной участи. Но он слывет жестоким тираном. И теперь, чтобы выжить, мне нужно завоевать его сердце. Покорить этого устрашающего хищника, одно лишь имя которого наводит страх на всех, кто его слышит. И у меня нет другого выбора, если я не хочу оказаться в руках настоящего дьявола.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	49
Глава 6	59
Глава 7	68
Глава 8	79
Глава 9	91
Глава 10	100
Глава 11	109
Глава 12	117
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Екатерина Орлова

Джанан. Пленница тирана

Пролог

Я подтягиваю ноги к груди и крепко обхватываю их руками. Уткнувшись лбом в колени, медленно раскачиваюсь, чтобы просто не сойти с ума. Слишком хорошо я слышу их голоса. Мама с папой – так я называю любимых тетушку и дядю, заменивших мне родителей – спорят. И это впервые на моей памяти.

– Айрат, девочка погибнет у него. Умоляю тебя, не отдавай! Заид Аль Мансури славится своей жестокостью! У него огромный гарем, весь Эмират об этом знает. Это же такое унижение! Айрат, она мой единственный ребенок, прошу тебя!

– Ты считаешь, что в гареме Эмира ей будет лучше? Ты хоть представляешь, что с ней будет там? Из пяти поставленных ему девушек выживают в лучшем случае две. На это ты хочешь обречь нашу дочь? Чтобы Эмир решил ее судьбу? Она может выжить, но какой ценой? Ты глаза ее видела? Да они кого угодно пленят! Любого, Фаиза! Говорил же тебе не шастать с Амирой где попало! – обычно спокойный и рассудительный, отец наконец взрывается.

– Но мы всего лишь ездили к швее!

– Я сказал вызывать всех на дом до ее восемнадцатилетия!

Там бы выдал ее за приличного мужчину нашего круга, и была бы она его единственной женой. Я и так рискую жизнью, отдавая ее Заиду. Когда Эмир узнает о том, что я не послушался его решения, не сносить мне головы. Я ее защищаю!

– Не злись, пожалуйста, – мягче произносит мама. – Я не спорю с твоим решением. Но, может, быстро выдадим ее за муж?

– Насколько быстро, Фаиза? За сутки? Завтра приедут люди Эмира, чтобы забрать ее. К полудню они будут у нас дома.

– Но ты же можешь не отдавать!

Наступает гнетущая тишина. Я представляю, как отец смотрит на маму с одной поднятой бровью. Глаза у него чернее ночи, и, когда он злится, его взгляд становится страшным и давящим. Мне жалко маму, ведь ей приходится находиться рядом с ним в эту минуту. Главное, чтобы она не разозлила его настолько, что он запрет ее в комнате на сутки без еды и воды. Такое уже было, правда, всего один раз и давно. Не знаю, чем мама его разгневала в тот раз, но я тогда сидела под дверью почти весь день и разговаривала с ней, чтобы ей не было так грустно. Перед тем, как запереть, отец точно так же кричал на нее. И сейчас я не хотела, чтобы из-за меня она снова страдала и плакала.

Вскочив с пола, я бегу в соседнюю с моей комнату. Дважды коротко стучу и, не дождавшись ответа, вхожу в ком-

нату мамы. Я не ошиблась. Папа сверлит ее тяжелым злым взглядом, а его бровь вопросительно изогнута, что придает ему еще более грозный вид.

– Я поеду, – выдыхаю с порога.

Отец кивает, но я вижу, что и ему не нравится такое положение вещей.

– Конечно поедешь. Я уже принял решение, только Фаиза еще позволяет себе со мной спорить.

– Айрат, накажи меня как хочешь, но не забирай дочку, умоляю, – начинает плакать она.

Вцепляется в рукав его дишдаши*, но отец, поджав губы, вырывает свою руку и покидает комнату в несколько больших шагов. Резная деревянная дверь так громко хлопает, что я вздрагиваю. Поворачиваюсь к маме и бросаюсь к ней. Обнимаю, мы обе плачем.

– Ты все слышала, да? – спрашивает она спустя какое-то время, а потом сильнее прижимает к себе и гладит по волосам. – Я умру от тоски по тебе.

– Не говори так, тырываешь мне сердце.

– Возможно, все не так страшно, как говорят, но ты сама знаешь, какие слухи ходят о Заиде.

– Мама, расскажи мне о гареме. И почему у отца его нет?

Она усаживает меня на край кровати и, устроившись рядом, поправляет мне волосы, чтобы они не падали на лицо.

– В гареме Заида, если верить слухам, около двадцати наложниц. Он очень ненасытный мужчина. Не знаю, что имен-

но он делает с девушками – кроме очевидных вещей, – но слава о его жестокости прокатилась по всем Эмиратам и далеко за пределами страны.

– А очевидные – это какие?

Я хмурюсь, потому что хоть и знаю, что некоторые мужчины женятся на нескольких женщинах, гарем в моем понимании – это просто женская половина дома. Там живут не только жены, но и дети, мать мужчины, может быть, его бабушка, сестры, тетки. В общем, вся родня женского пола с детьми. Но тот гарем, о котором говорит мама приглушенным голосом... даже я понимаю, что речь идет о чем-то другом.

Мама вздыхает, глядя на меня таким скорбным взглядом, что по телу идет дрожь.

– Женщины из гарема Заида, дочка, ходят к нему на ночь. И рожают ему детей.

– То есть там не живут его родственницы?

– Насколько я знаю, нет.

– Но по закону он не может иметь больше четырех жен.

– Они ему не жены, Амира, наложницы. К тому же, таким, как Заид, законы не писаны.

– Что это значит?

Мама начинает отвечать на мои вопросы, и в итоге я выхожу из ее комнаты с горящими щеками, испытав столько стыда, сколько не испытывала за свои неполные восемнадцать. Завтра я стану совершеннолетней, но сейчас чувствую себя

подростком, который впервые узнал об отношениях мужчины и женщины.

Вернувшись к себе в комнату, я включаю в гардеробе свет и, прислонившись плечом к дверном косяку, смотрю на потрясающе красивое и нежное платье, которое мы пошили к моему дню рождения. Планировалось пышное торжество, но теперь его, наверное, отменят, потому что завтра утром я сяду в машину Заида и больше никогда сюда не вернусь. Мама сказала, что попасть в гарем к такому человеку – это не то же самое, что выйти замуж. Вряд ли он разрешит мне видеться с семьей, как и им – наносить мне визиты. То есть уже завтра я в последний раз обниму самых близких мне людей, и от одной мысли об этом сердце заходится жалобным плачем. Не знаю, что ждет меня впереди. Знаю только, что стану собственностью тирана, слава о котором облетела, наверное, весь мир.

*Дишдаша – традиционная мужская долгополая рубашка с длинными рукавами

Глава 1

Я крепко зажмуриваюсь, но не позволяю себе закрыть уши, хотя очень хочется. Мама кричит так, словно хоронит меня. С другой стороны, кто знает, может, так и есть. Слышу, как хлопают дверцы фургона, в который меня усадили, потом мотор заводится, и мы в конце концов отъезжаем от дома. Не могу слышать стенания мамы, достаточно того, что за эту ночь мое сердце почти умерло от боли. На скамейках рядом и напротив сидят девушки, которых так же, как и меня, везут к Заиду. Нас всего шестеро, и я с ужасом смотрю на них. Неужели этот Заид и правда настолько ненасытен, что ему в распоряжение нужно двадцать шесть девушек? А может, слухи врут, и все мы отправимся совсем не к нему в гарем? По позвоночнику пробегает волна ледяных колючих мурашек от осознания, что я еду неведомо куда. Но отец никогда не отправил бы меня туда, где я буду страдать, правда?

Трое из нас ведут себя абсолютно спокойно и даже немного заносчиво. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что эти девушки четко знают, куда направляются, и их это не беспокоит. Еще одна девушка, как и я, с опаской озирается по сторонам. Я не могу как следует разглядеть остальных, потому что свет в фургон проникает только через маленький люк у нас над головами. Рядом со мной сидит девушка, и она настолько напряжена, что ее спина напоминает деревянную

доску. Я украдкой бросаю на нее взгляд, а потом опускаю его в пол. Сказать, что мне страшно, – значит, ничего не сказать, потому что внутри все застывает от животного ужаса перед неизвестностью.

– Я Инас, – внезапно выдает девушка с неестественно ровной спиной, и я поворачиваюсь к ней лицом.

– Амира, – отвечаю хриплым голосом.

– Будем знакомы, сестра по несчастью.

– Почему по несчастью? Может, нас ждет светлое будущее? – рискую предположить я, на что Инас только фыркает.

– Ты правда в это веришь?

Я тяжело вздыхаю.

– Нет, но очень хочется.

– Знаешь, не за тем я сюда ехала, чтобы в гарем попасть, но другого выхода, судя по всему, нет.

– Так ты... ты добровольно едешь к Заиду?

– Не скажу, что прямо добровольно, но да.

– Не понимаю, как можно по собственной воле ехать к такому человеку?

Она наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

– Это лучше, чем быть изнасилованной и убитой в борделе. Так я буду в спальне только одного мужчины, в противном случае меня пользовали бы десятки.

Инас отклоняется, а у меня волосы на затылке шевелятся от ее слов. То, что поведала мне мама ночью, пока мы собирали вещи, и так перевернуло мой мир. Она рассказала мне

об убожении женщиной мужчины и сказала, что я должна стать единственной для Заида, только так я смогу выжить. Сказала, что я должна добиться того, чтобы он женился на мне вопреки социальному неравенству. Заид – родственник шейха, высокородный мужчина, а я из среднего класса, и то если брать положение дяди. Моя настоящая семья стоит еще ниже на социальной лестнице. Таким девушкам, как я, не светит брак со знатными мужчинами. Несмотря на то, что мы живем в двадцать первом веке, некоторые традиции не меняются с развитием технологий. Если бы я по сей день жила в своей настоящей семье, то наверняка выучилась бы в обычной школе, потом – только с позволения отца – получила бы какую-нибудь простую профессию, а потом вышла бы замуж за выбранного родителями мужчину. Наверняка за какого-нибудь учителя или сотрудника банка, но уж точно не больше. Как же круто поворачивается жизнь, когда теряешь то, что воспринималось ранее как само собой разумеющееся. Но меня интересует, как же Инас попала в этот фургон.

– Могу я спросить? – робко интересуюсь я.

– Давай.

– Почему так сложилась твоя жизнь, что ты вынуждена...

– Я хочу спросить о том, что она должна обслуживать мужчин, но язык не поворачивается.

Инас пожимает плечом.

– Я сирота. Опекун продал меня в бордель. Но я смогла сбежать оттуда. Скиталась, скрываясь от полиции и тех, кто

меня искал. Хотела сбежать из страны, чтобы стать свободной, но у меня не было денег. Узнала от одной из девочек, что должен ехать фургон к Заиду, и смогла найти проводника.

– Проводника?

Инас кивает.

– Те четверо мужчин, что забрали нас, – это проводники. – Она снова наклоняется ко мне и продолжает уже шепотом, потому что наши разговоры сильно заинтересовали девушек, сидящих напротив: – Они работают на Заида и возят девочек не только ему, но и поставляют девушек в гаремы по всему Востоку. – Я ахаю от ужаса. – Да не вздыхай. Росла, небось, как тепличный цветок?

– Нет, совсем нет.

– Ох, невинное ты дитя, – заключает она, погладив мою руку. – Держись меня, не пропадешь.

Разговоры стихают. От качания фургона я начинаю дремать, дрейфую на грани сна и реальности, продолжая прислушиваться к тому, что происходит вокруг. Потом просыпаюсь и снова смотрю на Инас.

– Говори уже, – произносит она, почувствовав мой взгляд.

– А как долго нам ехать?

– Если без остановок, то к вечеру должны прибыть. Но это вряд ли. Полиция может остановить нас в любой момент. Так что может быть такое, что нам придется день переждать где-то на перевалочном пункте.

– Ясно, – тихо выдыхаю я. – А в туалет нас пуస్తят?

– Надеюсь, что да.

Мы едем еще пару часов, а потом останавливаемся. Все девочки начинают метаться взглядами по фургону, и я вместе с ними. Наконец задние дверцы распахиваются.

– Выходим по одной, – грубо бросает один из проводников.

Он самый неприятный из всех. И пускай наши фигуры не видно под абаями*, но я все равно чувствую этот сальный взгляд, который так и ощупывает их. Пытаюсь прятать глаза, жалея, что не надела гишуа, чтобы скрыть лицо полностью. Пока девочки выходят, я расстегиваю свой чемодан и пытаюсь нащупать в нем накидку. Не могу пройти под взглядом этого страшного человека. От него у меня по коже бежит холодок. Он излучает жестокость и беспринципность.

– Что ты там копаешься? – рявкает он, и я вздрагиваю. Перевожу на него взгляд, который он тут же ловит и прищуривается.

– Минутку, – дрожащим голосом отвечаю я, а сама еле живая от страха. Краем глаза замечаю, что остальные девочки уже входят в небольшой дом в сопровождении двух проводников.

– Ну же, красивая, я жду, – его голос меняется и становится под стать взгляду: жадный, ощупывающий и как будто... грязный. По крайней мере, я чувствую себя грязной, когда он смотрит на меня. Начинаю быстрее ощупывать ве-

щи в чемодане.

– А могу я взять его с собой?

И тут же жалею и о вопросе, и о том, что вообще задержалась в машине. Мужчина запрыгивает в фургон и захлопывает за собой дверь. Я вжимаюсь в дальнее сиденье, подтягивая к себе чемодан в попытке прикрыться им. Он надвигается на меня, и его улыбка становится шире.

– Вы... вы не должны смотреть на меня.

– Я буду делать с тобой все, что пожелаю.

– Я принадлежу Заиду.

– Господину Заиду, – цедит он сквозь зубы.

– Господину Заиду, – исправляюсь я.

– И, пока мы не доехали, ты принадлежишь мне. Так что будь послушной девочкой и открой лицо.

Я качаю головой и пытаюсь представить себе, что все это страшный сон. Он же не может так поступить. В нашей стране мужчина никогда не будет требовать от женщины открыть свое лицо и уж точно не станет делать грязные намеки. Я как будто попала в параллельную вселенную, из которой отчаянно хочу выбраться. Мужчина нависает надо мной.

– Давай по-хорошему. Сейчас ты выполнишь все мои желания, а я сделаю так, чтобы ты без проблем попала в гарем господина Заида.

– Я и так туда попаду.

– А вот это пока еще вопрос. Ты можешь туда, например, не доехать.

– Я буду кричать, – едва слышно произношу я, когда он тянет руку к шеле***, чтобы сдернуть ее и все же увидеть мое лицо.

Он не озвучивает свое желание, но каким-то образом я чувствую, что именно он собирается сделать. Ужас сковывает мои легкие, и я не могу сделать полноценный вдох. Наконец мясистая рука достигает моего лица, но не успевает он сорвать ткань, как я, совершенно неожиданно для самой себя, отбиваю его руку. Он рычит, и я получаю первый удар по лицу. Он бьет наотмашь со всей силы. А потом все, что происходит в фургоне, превращается для меня в сущий ад, за который я еще долгие месяцы в своих мыслях буду проклипать этого человека.

Когда мама рассказывала об удовлетворении мужчины женщиной, она описывала этот процесс красиво. Говорила, что все это происходит по обоюдному согласию, как правило, по любви или из уважения. Она поведала, что и женщина может получить от этого удовольствие. Но пока этот страшный человек, которого, как я узнаю потом, зовут Малих, удовлетворяет свои потребности с помощью моего тела, я балансирую на грани жизни и смерти. Опухшее от ударов лицо занемело, все тело превратилось в один сплошной источник боли и... я хочу умереть. Если они сейчас выбросят меня где-нибудь посередине пустыни на съедение шакалам, я найду в себе силы произнести одно единственное слово: «спасибо». Потому что жить после такого я точно не смогу. А о том,

чтобы попасть в гарем к уважаемому человеку, теперь точно и речи быть не может. Теперь моя единственная участь – удовлетворять таких, как этот Малих. То, что грозило Инас, теперь буду делать я.

Прикрываю глаза, медленно, еле двигаясь, оправляя дрожащими пальцами абаю и гандуру**** под ней. Шальвары***** уничтожены, как и нижнее белье, но хотя бы так я прикрываю свое истерзанное тело. Голова болит и кружится. В процессе борьбы я несколько раз ударила голову об пол и теперь в полной мере ощущаю последствия.

– Приведи себя в порядок и выходи. Чемодан возьми с собой, тебе нужно помыться и переодеться, – Малих произносит это так, словно выплевывает каждое слово. Говорит с презрением и ненавистью, и я его понимаю. Теперь я – падшая женщина, не стоящая внимания и уважения.

Как только дверца фургона хлопает, я открываю глаза и смотрю на ясное небо через люк в крыше. По вискам струятся слезы, но я не рыдаю. На это у меня просто нет сил. Я лежу и молю Всевышнего о смерти. С совершеннолетием меня.

*Абая – длинное традиционное [арабское](#) женское [платье](#) с рукавами.

**Гишуа – Тонкая черная накидка (газ-вуаль), полностью скрывающая лицо.

***Шела – шарф, которым арабские женщины покрывают голову.

****Гандура – традиционное цветное платье, украшенное вышивкой, которое носится под абаей.

****Шальвары – широкие восточные шаровары, которые надеваются под Гандуру.

Глава 2

Через несколько минут дверь фургона снова открывается, и все мое тело превращается в камень. Я резко сажусь и подтягиваю к себе ноги, пытаюсь дрожащими руками снова поправить абаю. Натянуть ее как можно ниже. А еще спрятать глаза. Отец говорит, что мои голубые глаза – мое проклятие, потому что для наших мужчин это экзотика, а в сочетании с невинным взглядом еще и вызов, желание присвоить. А мама рассказывала, что мой родной отец прятал мою мать от большинства мужчин. Что вне дома она всегда носила гишуа, чтобы ее глаз не было видно. Сейчас я понимаю зачем и тоже не отказалась бы закрыть лицо, шелы недостаточно.

– О, Аллах, что он с тобой сделал? – Лицо Инас перекосило от злости и боли.

Она кидается ко мне, но я быстро забиваюсь в самый дальний угол фургона, сжимаясь настолько сильно, насколько могу. Если бы только я могла исчезнуть...

– Тише, Амира, это я, Инас. – Она тянет ко мне руки, но теперь не резко, а потихоньку, боясь снова меня напугать. – Милая, я просто хочу помочь.

Она говорит тихо и нежно, тон ее голоса успокаивает, и я немного расслабляюсь. Позволяю обнять себя, хоть напряжение в теле все еще присутствует.

– Ну все, девочка. Все позади.

Инас гладит меня по голове, прижимая к себе, и я сосредотачиваюсь на ее сердцебиении. Считаю каждый размеренный удар, пытаюсь мысленно попадать в ритм. Постепенно все вокруг обретает резкость, хотя до этого было такое ощущение, словно я погрязла в болоте по самую макушку и никак не могу вытянуть голову из грязи, чтобы сделать хотя бы один вдох. Сейчас же легкие понемногу раскрываются, позволяя мне дышать свободнее. Но внутренняя истерика снова сдавливает горло и начинает душить, отчего мои всхлипы больше похожи на икоту, а глаза покраснели от непролитых слез.

– Поплачь, Амира, легче станет.

Я бы и рада, но не могу. Что ж за напасть такая? Обычно мне достаточно увидеть, как женщина возится с маленьким ребенком, чтобы расплакаться от умиления. Я плачу над сериалами, книгами, фильмами. Если палец порежу – плачу. Каждый испуг вызывает такую же реакцию. Но вот сейчас, когда и сама понимаю, что надо бы, не могу. Мне жалко себя. Жалко так, что внутренности сжимаются и горят, но слез все так же нет. Состояние такое, будто вот-вот потеряю сознание или умру, но... Слез! Нет!

– Ох, бедная. Аллах покарает эту сволочь.

– Я сама это сделаю, – хрипло выдавливаю из себя.

– Не говори так, не бери грех на душу.

– Этот шакал сдохнет от моих рук! – категорично заявляю я.

Что ж, раз не получается плакать, буду злиться. Буду возвращать хоть какое-то чувство, которое поможет мне пережить этот ад. Инас открывает рот, но не успевает произнести ни звука, потому что рядом с фургоном раздаются голоса.

– Малих, ты с ума сошел? Эта девка принадлежит Заиду! – слышим мы раздраженный голос одного из мужчин. Когда второй отвечает ему, я вздрагиваю. Тот самый голос, который шептал гадости мне на ухо, когда... Зажмуриваюсь, но не могу закрыть уши. Почему-то мне важно услышать их разговор и запомнить это имя. Я мысленно повторяю его: «Малих. Малих. Малих».

– Пока мы не довезли их до гарема, они все мои!

– Она – та, которая гарантированно попадет в гарем. Без отбора, Малих! Под личным контролем Шуджи.

– До него она тоже еще не доехала, – хмыкает подонок. – Может потеряться или умереть в дороге.

– За сутки? Приди в себя, Малих! Это не обычная девочка, которых мы возим! Заид знает о ней!

– Да ладно! Попросим Хаю, она подлатает девчонку, и та будет как новенькая.

– Если что, я ничего не знаю и не видел, – после непродолжительной паузы добавляет первый мужчина, и мы слышим удаляющиеся шаги.

– Что значит «подлатает»? – спрашиваю дрожащим голосом.

– Откровенно говоря, я и сама не понимаю. Но ты не бери

в голову его слова. Все будет хорошо. Пойдем. Надо привести себя в порядок, поесть и постараться отдохнуть. Ночью еще трястись в этой машине смерти.

Инас выводит меня из фургона и ведет в небольшой дом, где проводит мимо каких-то комнат. Опускаю голову и не смотрю по сторонам, чтобы не столкнуться взглядами еще с каким-нибудь мужчиной, который тоже решит, что я его собственность и со мной можно делать все что угодно.

Мы входим в большую комнату, где по углам жмутся испуганные девочки, которые ехали с нами в фургоне, но кроме них тут еще примерно двадцать таких же.

– Так! Все мыться! – раздается с другой стороны крик дородной женщины. – По пять человек. Кто первый?

Голос у нее такой грубый, словно прокуренный. Да и внешность устрашающая. Бросаю на нее взгляд из-под ресниц и снова опускаю его в пол. Слышу, как эта женщина приближается, шурша одеждой, и останавливается прямо перед нами с Инас.

– А с этой что? – понизив голос, спрашивает она. И интонации уже не такие резкие.

– Над ней надругались, – тихо отвечает моя новая подруга.

– Ц-ц-ц. Порченный товар? И куда ее теперь? Ни один гарем такую не возьмет.

– Господин Заид возьмет. Он ждет ее.

– Да конечно, – язвительным тоном отвечает она. – Господин Заид берет только чистых девочек. А эта уже никуда

не годится.

– Возьмет! – воинственно заявляет Инас.

– Я поговорю с Малихом, – рывкает она. – Идите мойтесь и переодевайтесь. Через час обед принесут.

Она машет на нас рукой и уходит, а мы с Инас быстро пересекаем комнату под взглядами девушек. Мне, наверное, кажется, но в каждом из них я чувствую осуждение. Или, может, так ощущается грязь, которую на моем теле оставил этот подонок. К счастью, в душ отправляют только меня, остальные быстро моются под краном у входа в ванную, переодеваются и выходят. Я торопливо раздеваюсь и ступаю под теплые струи, которые совсем не приносят облегчения. Кручу кран, чтобы смыть под горячей водой все мерзкие прикосновения, но самое большое, что я получаю, – это усилившийся напор. Мою волосы, а потом начинаю с остервенением тереть свое тело жесткой мочалкой, пока не замечаю на коже красные полосы с проступившими капельками крови. И в этот момент меня прорывает. Я начинаю захлебываться слезами и тру, тру, тру кожу, которая все еще кажется липкой и грязной. Ко мне как будто только сейчас приходит осознание того, что произошло, и на меня разом наваливается весь груз испытанного ужаса.

Я не слышу, как открывается дверца душа, только чувствую на себе руки Инас, которая вырывает у меня из пальцев мочалку и отбрасывает ее в сторону. А потом обнимает меня и ждет, пока истерика не закончится.

– Так, а это у нас тут что такое? Вода вам, что ли, бесплатная? – громыхает злобная женщина. – Ну-ка вышли отсюда!

Инас выводит меня из кабинки, а женщина переключается на девочек, которые задерживаются с мытьем ног. Мы идем в нишу, чтобы вытереться и одеться, и, как только я берусь за полотенце, мои слезы резко высыхают. Кажется, прояви я хоть малейшую слабость, мне будет не доехать к Заиду в гарем. Почему-то сейчас человек, встречи с которым я так боялась, кажется мне спасением.

По возвращении в комнату служанки показывают нам наши места для сна, и мы с Инас опускаемся на матрасы, после чего смотрим друг на друга.

– Знаешь, когда я была ребенком, то мечтала, что в один день превращусь в мужчину и накажу всех, кто обижает женщин, – говорит Инас, промокая волосы полотенцем. – К сожалению, я так и осталась девочкой, но желание наказывать никуда не делось.

– У меня никогда не было такого желания, – отвечаю я, водя ладонью по бедру. Болезненные ощущения от соприкосновения ткани со свежими ранками не дают мне снова задуматься о случившемся. И у меня такое чувство, что, потеряй я этот раздражитель, тут же упаду в обморок от переизбытка негативных эмоций. – А теперь вот появилось.

– Это понятно. Ты сегодня пережила самый большой ужас каждой женщины. Надо сказать, ты еще прекрасно держишься. Расскажи о себе.

– Не люблю говорить о себе. Да и нечего рассказывать. Все как у всех.

– Не хочешь рассказывать – не надо. Не буду тебя пытаться. Захочешь – поделишься.

– Мхм, – отвечаю негромко, а потом и сама начинаю заниматься волосами, иначе к вечеру они превратятся в гнездо.

Позже нам приносят довольно скромный обед. Девушки едят под пристальными взглядами служанок и той злобной женщины, а я не могу заставить себя проглотить ни рисинки. Еда встает поперек горла и дальше не движется. В какой-то момент в дверном проеме встает Малих, и я давлюсь воздухом. Резко поворачиваюсь к нему спиной, пока он своим сальным взглядом обводит комнату. Не знаю, ищет ли он меня, но все равно пытаюсь превратиться в пыль под ковриком, на котором сижу. Чувствую, как по всему телу разбегаются колючие мурашки, и меня передергивает. К горлу подкатывает тошнота, и меня бросает в холодный пот от одной мысли, что этот страшный человек сейчас может смотреть прямо на меня.

– О, уже спелись, – ворчит Инас.

– В каком смысле? – выдыхаю дрожащим голосом.

Она кивает в сторону входа.

– Этот проводник, который... – она запинается. – И хозяйка этого дома. Они были бы хорошей парой. Перегрызли бы друг другу глотки, и всему миру стало бы легче.

Инас заставляет меня улыбнуться, и на сердце становится

немного легче. Кажется, я смогу пережить еще одну ночь. Бояться буду завтра. Несмотря на мое внешнее спокойствие, внутри все бурлит и содрогается от мыслей о Заиде.

– Обсуждают что-то. А может, кого-то. Мне кажется, тебя, потому что мужчина этот взгляды на тебя бросает.

Я слегка краснею от болтливости Инас, потому что меня учили скромности и послушанию.

– Идет сюда.

– Он? – задыхаясь, спрашиваю я.

– Нет, женщина эта.

Замираю, спина каменеет. Я кожей чувствую его взгляд, от которого кровь стынет в жилах.

– Эй, ты, – зовет женщина, и мы с Инас поднимаем головы. – Да, ты, – кивает она мне. – Пойдем со мной.

Я бросаю встревоженный взгляд на свою новую подругу, и она хватает меня за запястье.

– Я с ней.

Женщина неприятно улыбается.

– Да ничего я ей не сделаю. Синяки замажу.

Я встаю и, низко опустив голову, на негнущихся ногах прохожу мимо мужчины, который обесчестил меня. Пальцы моих рук так крепко сцеплены, что побелели костяшки, а нос улавливает неприятный запах его тела, отчего к горлу снова подкатывает ком и начинается паника. Делаю несколько глубоких вдохов, как только оказываюсь на приличном расстоянии от него, и только потом меня немного отпускает. Жен-

щина заводит меня в другую комнату и закрывает за нами дверь, после чего упирается в нее ладонью, угрожающе нависая надо мной. Я втягиваю голову в плечи и зажмуриваюсь в ожидании удара. Не знаю, откуда у меня такой инстинкт, но я и правда жду, что она сейчас, как минимум, даст мне пощечину.

– Не смей жаловаться господину Заиду или Валиду. Даже Шудже и Хае ни слова, поняла?

– Кому? – дрожащим голосом спрашиваю я, испуганно уставившись в ее мутно-карие глаза.

– Никому, в общем. Закрой свой рот на замок и забудь то, что сегодня произошло, поняла меня? Иначе я тебя уничтожу.

Я быстро киваю.

– Поняла.

– Скажешь, что родители били.

– Хорошо, – соглашаюсь я, а про себя мысленно повторяю: «Малих. Малих. Малих». Хоть бы не забыть его имя с перепугу.

– И о нашем разговоре никому ни слова. Подруге тоже.

– Я поняла.

– Возвращайся назад.

Как только ее ладонь соскальзывает с двери, я дергаю ручку и вылетаю из комнаты с удушливыми запахами пряностей, чтобы вернуться к Инас, но замираю посередине пути, потому что в коридоре, привалившись к стене, стоит Малих. Его

бесстыжий взгляд бродит по черной абае, в которую я одета. Опускаю голову и несусь мимо него, стараясь прошмыгнуть как можно незаметнее.

– Малих! – Вздрагиваю от крика женщины за спиной и ускорю шаг. Теперь я, кажется, бегу быстрее, чем колотится мое сердце. Пытаюсь унять дрожь в пальцах, но мне это не удается, поэтому просто сжимаю ладони в кулаки.

– Что там такое? – спрашивает Инас, как только я занимаю свое место.

– Сказали держать рот на замке.

Она фыркает.

– Сволочи, – шипит недовольно. – Но мы что-нибудь придумаем.

Бросаю на нее взгляд. Да, мы точно подружимся.

– Ты не встречай, я сама найду способ отомстить. – Ужас, который охватывал меня еще минуту назад, начинает медленно трансформироваться в решимость, благодаря которой я смогу пройти через все и исцелиться. Смогу. Сцепив зубы, я все обязательно преодолею. Может быть, не сейчас, но позже обязательно.

– У тебя только внешность невинная, да? – спрашивает Инас, внимательно разглядывая мое лицо. – А внутри коварная женщина.

– Не болтаем! – выкрикивает одна из надзирательниц. – Заканчивайте с обедом и спать! Подъем через четыре часа! Мы снова принимаемся за еду, которую я просто ковыряю

ложкой, а потом располагаемся на отдых. Я устраиваюсь на матрасе, содрогаясь от каждого шороха. Даже несмотря на знание, что Малиха здесь нет, он все равно мерещится мне в каждом углу. Его шаги чудятся мне в шорохе матрасов, даже голоса лежащих на своих местах девушек похожи на его мерзкий шепот, которым он произносил скабрёзности прямо мне в ухо.

Я переворачиваюсь набок и, закусив подушку, тихонько скулю. Этот звук тонет в негромкой беседе девушек, но отдаётся внутри меня, разрывая грудную клетку. Мне снова хочется умереть, потому что с клеймом позора, которое мне поставил этот шакал, нормальная жизнь невозможна. Что делать дальше? Как принять то, что сотворили с моим телом?! Как можно смириться с тем, что я перестала быть чистой? Меня опорочили, унизили, растоптали. Ни о какой девичьей гордости больше не идет речи. Теперь я даже не знаю, смогу ли когда-нибудь поднять взгляд и открыто посмотреть кому-нибудь в глаза.

Недостойная. Опустившаяся. Растерзанная.

Я тихонько вою в подушку, в полной мере осознавая, что теперь я – падшая. Неважно, что это случилось не по моей воле. Факт моей порочности теперь никуда не денется. В груди такое ощущение, что кто-то страшный ковыряет там раскаленным ножом, царапая мышцы и распарывая лезвием органы. Хочу провалиться в темноту и никогда не просыпаться, но жестокая судьба держит меня живой. Не знаю, за ка-

кие грехи расплачиваюсь этой агонией, но, должно быть, я действительно сильно грешила, раз чувствую такое.

Глава 3

Спустя несколько часов нас поднимают, снова кормят, усаживают в фургон, и мы отправляемся в путь. Машину качает, я опять балансирую на грани сна с реальностью, но настороженность и периодически доносящийся до меня голос Малиха не дают уснуть. Когда слышу, как он разговаривает, тело снова бьет озноб, а в груди появляется тяжесть, словно туда вложили огромный камень. Синяки на теле саднят, разбитая губа пульсирует, а на лице уже появился отек. Перед выходом из дома я предусмотрительно надела гишуа, чтобы больше никто не видел моих глаз. Душ не помог, я по-прежнему чувствую себя грязной и... Как там сказала та женщина? Порченный товар? Да, именно так я себя и чувствую. Но страшнее всего страх перед грядущим. Мне не дают покоя мысли, что меня могут выкинуть в пустыне или что-нибудь еще, лишив шанса доехать до Заида. Если сразу после случившегося я была готова умереть, то теперь хочу сражаться за жизнь. А все потому, что у меня появилась новая цель – отомстить проводнику за то, что он сделал со мной. Почти всю дорогу я выстраиваю в своей голове планы мести, представляя, как добьюсь возмездия. Некоторые картинки в голове настолько реалистичные, что сердце заходится, заставляя меня задыхаться от ужаса и осознания, куда зашла моя фантазия. Непролитые слезы встали комом в горле и прожи-

гают его, просачиваясь в кровь не хуже яда.

С рассветом мы наконец останавливаемся. Слышно, как переговариваются мужчины возле фургона, потом снова недолго едем, и в конце концов задняя дверца открывается. Похоже, мы прибыли в место назначения. В дверном проеме стоит один из проводников, а рядом с ним – мрачный мужчина. Огромный, как гора, с густыми бровями, сошедшими на переносице. Он окидывает орлиным взглядом каждую из нас, задержавшись на мне.

– Почему она в гишуа?

– Скрывает свое лицо, Валид, потому что это спецзаказ для господина Заида.

Он прищуривается, словно пытается рассмотреть меня сквозь тонкую ткань, а у меня от этого взгляда сжимаются внутренности. Наконец он кивает и отходит от фургона.

– Яхья! Принимай новых! – выкрикивает он и размашистым шагом идет ко входу в дом, у которого остановился фургон.

Как только мужчина скрывается из виду, нам навстречу выходит другой, с тяжелым взглядом. Есть в этом доме хоть один человек, у которого в глазах не будет презрения и ненависти? Если тут такая прислуга, то как же выглядит сам хозяин? От ужасных предположений у меня на затылке шевелятся волосы. И сейчас я уже не уверена, что брат шейха был худшей перспективой.

– Выходим по одной! – рявкает он, встав справа от две-

ри. – Не задерживаемся и не глазеем!

Девушки, которые ехали сюда целенаправленно, покидают фургон первыми, высоко задрав подбородки. Они не смотрят по сторонам, а идут прямо вперед, через несколько секунд скрывшись в доме. Дальше из фургона выходит одна пугливая девочка, за ней я, а следом – Инас. Поворачиваю голову вправо, чтобы посмотреть, куда нас привезли, но там стоит один из проводников, и я быстро перевожу взгляд вверх. Мои глаза расширяются. Это не дом – дворец. Он огромный. Из белого камня, возвышается, кажется, до самого неба. Мужчина подталкивает меня, схватив за локоть.

– Не глазеть, я сказал!

От его резкого тона я вздрагиваю и сжимаюсь от боли в локте. За него хватал Малих, когда... и теперь рука болит.

Мы входим в прохладу огромного особняка, стены и пол которого выложены мрамором, а резные двери похожи на те, что установлены в доме дяди, но эта работа более искусная, тонкая. Хочется подойти, провести кончиками пальцев по дереву, изучить каждый узор, но нас ведут дальше. Где-то в глубине здания я слышу журчание фонтана, но мы идем не туда, потому что этот звук отдаляется от нас. Я предполагаю, что мы в женской половине дома, потому что повсюду слышится девичье хихиканье и перешептывания. Рассматриваю огромные чаши с водой для омовения рук, которые стоят на постаментах вдоль всего коридора. Большие напольные вазы, стоящие слева и справа от дверей комнат, выполнены

в традиционной технике росписи. Красивый дворец, этого нельзя не признать. Я еще никогда не видела такой роскоши. Теперь мне еще интереснее, как выглядят комнаты изнутри. Наверное, там все покрыто коврами и позолотой.

Нас заводят в большую комнату. Нет, каких-то исключительных красот здесь нет. Длинное помещение с матрасами и подушками по правую сторону, и эта зона отделена от основной тонким газовым тюлем, развевающимся на сквозняке. Слева настелены ковры, на них лежат большие подушки и стоят низкие столики. Похоже на обеденную зону. В конце этой комнаты – небольшой фонтан, но я не слышу журчания воды. Видимо, он нерабочий. Слуги гарема выстраивают нас в одну линию. Я с облегчением обнаруживаю, что среди них нет мужчин, и проводники, судя по всему, сюда не вхожи.

Мужчина, который привел нас сюда, что-то шепчет на ухо дорожной женщине с таким же грозным взглядом, как и у него самого, а потом покидает комнату. Как только за ним закрываются двери, эта женщина поворачивается к нашей шеренге и обводит таким взглядом, от которого кровь стынет в жилах. Кажется, она может прочесть мысли каждой из нас.

– Сними гишуа! – командует она, кивая на меня, и я медленно откидываю покров с лица. Она хмурится еще сильнее и неторопливо идет ко мне. Внимательно осматривает всю шеренгу. – Снять платки, освободить волосы! – Подходит ко мне и, взяв меня за подбородок, крутит мою голову из стороны в сторону, всматриваясь в лицо, а я морщусь от боли. –

Что с тобой?

– Родите...

– Над ней надругались! – перебивает меня Инас. – Скажите господину Заиду, что его подарок испортили!

Женщина бросает на нее быстрый взгляд, а потом возвращает его ко мне.

– Это правда?

Я тоже мечу злой взгляд на свою новую подругу, а потом смотрю на женщину.

– Правда.

– Кто?

– Один из проводников! – снова отвечает за меня Инас. – Малих!

– Инас! – шиплю я.

– А что? – спрашивает она одними губами.

– Эта порченная, – спокойно произносит женщина, махнув на меня рукой, и отворачивается. – Уводите.

Ко мне подходят две девушки и хватают за локти.

– Подождите! – кричу я в спину женщине. – Как это: «уводите»?! Меня ждет господин Заид! Отец отдал меня ему! Он точно знает, что я должна приехать! Эй! Куда вы меня тащите?! Стойте же! – выкрикиваю громче, пока служанки гарема пытаются вытянуть меня из строя и шипят, чтобы я замолчала. Но я брыкаюсь и не даю им вывести меня из комнаты. Сердце заходится где-то в горле от осознания всего того кошмара, который ждет меня, если я сейчас не останусь

в гареме.

Женщина останавливается и, повернувшись ко мне, поджимает губы.

– Да как ты смеешь так со мной разговаривать? – цедит она сквозь зубы. – Жизнь каждой из вас теперь в моих руках! Если мне не понравится ваш взгляд, вы мигом вылетите из гарема! Вышвырну, как поганых собак! А ты! – она тычет в мою сторону пальцем. – Ты сейчас выйдешь отсюда, сядешь в машину Малиха, и пусть он делает с тобой все что пожелает. Потому что нашему господину ты не подходишь! – она плюет под ноги. – Девка!

– Не надо! Прошу вас! Умоляю! Не надо! Пускай не в гарем! В служанки меня возьмите! Я все умею делать! Меня мама научила! Умоляю вас!

Я дергаюсь и вырываюсь, но служанки неумолимо двигаются на выход, волоча меня за собой. Тут в комнату вбегает невысокая проворная девушка, одетая так же, как и женщина, которая велела меня увести, с тем только отличием, что на ней более скромные украшения. Она быстро подбегает к женщине и, наклонившись к ней, что-то шепчет. Та поворачивает голову и осматривает строй девушек.

– Кто из вас Амира? – грубо спрашивает она, даже не глядя на меня.

– Это я! – выкрикиваю, всхлипнув.

Она поворачивается ко мне лицом и, не сводя взгляда, говорит девушке:

– И «это» ты хочешь подать господину? Ты в своем уме, Хая?

– Но таков приказ Шуджи, госпожа Лутфия.

Эта Лутфия теперь наклоняется к уху Хай и что-то быстро шепчет, кивая в мою сторону. Они обе периодически бросают на меня взгляды, о чем-то переговариваясь, а я уже в который раз умираю внутри от страха. Хорошо хоть служанки перестали тянуть меня на выход, а это, наверное, значит, что меня оставят, так ведь?

– Я все умею делать! – повторяю я. – Не выбрасывайте меня!

Хая, прищурившись, смотрит мне в глаза.

– Где твоя покорность? – спрашивает она. Но в ее голосе слышится больше заинтересованности, чем злости.

– Простите, госпожа, – тише отзываюсь я, склоняя голову. – Я просто очень испугалась.

– Все, говоришь, умеешь?

Я киваю.

– Например?

– Я могу убирать, стирать, готовить, за детьми присматривать. Что угодно! – Отвечая, делаю несколько нерешительных шагов в их сторону, потянув вцепившихся в меня служанок. Другие девушки за моей спиной начинают перешептываться. – Пускай я не попаду в гарем к господину Заиду, – продолжаю уже тише, – но я могу быть полезна в хозяйстве. Пожалуйста, не отдавайте меня Малиху.

Хая медленно моргает, как будто пытается продемонстрировать мне, что я все делаю правильно, и это подбадривает меня. Хоть один нормальный человек в этом холодном доме.

– Я могу перестилать постели, мыть полы, подметать...

– В двадцать первом веке уже есть пылесосы, – обрывает меня Лутфия, но уже не так злобно.

– Ими я тоже пользоваться умею. И гладить тоже, и пыль вытирать. А в натирании серебра мне нет равных. И я очень трудолюбивая, совсем не знаю лени. Могу трудиться целый день.

Замолкаю, чтобы перевести дыхание. Я перечисляла свои достоинства – половина из которых абсолютнейшая ложь – так быстро, что начала задыхаться. Лутфия снова переводит взгляд на Хаю и смотрит на нее, слегка вздернув бровь.

– Под твою ответственность. Но я буду внимательно наблюдать. Первый проступок – и девка окажется на улице. – Потом поворачивается ко мне и подается вперед, понижая голос. – О происшествии молчи. Никому ни слова. Хоть немую из себя строй, но не смей говорить правду, иначе отрежу язык. Тебя подлечат, и с понедельника ты должна приступить к своим обязанностям. Чтобы я не слышала ни слова о тебе. Ни хорошего, ни плохого. С этого дня ты – тень гарема. Безликая и молчаливая.

– А как же... меня же везли господину Заиду... он ждет... – лепечу я испуганно.

– Ничего страшного, у него, кроме тебя, еще пять новых

девочек. А твоя работа теперь – служить в гареме.

С этими словами Лутфия резко разворачивается и покидает комнату, стуча маленькими каблучками бабуши*. Как только за ней закрывается дверь, девушки снова начинают шептаться, а я сникаю. Сейчас на меня вдруг навалилась такая усталость, словно мне пришлось вымыть руками весь этот дворец от пола до потолка. Тело наливается свинцом и становится тяжелым. Как только служанки отпускают меня, я оседаю на пол.

– Встань, он холодный, – командует Хая. Я поднимаю на нее усталый взгляд. – Помогите ей, – машет она служанкам.

Меня снова поднимают под руки и ведут к матрасам, расположенным на большом подиуме. Мы преодолеваем две ступеньки, делаем еще несколько шагов, и мне наконец позволяют прилечь.

– Расплетаем волосы и показываем зубы! – командует Хая.

Я не смотрю, как девушки выполняют каждую из ее команд, и уже не слушаю, что она им говорит. Потому что наконец засыпаю, перестав бороться со своей усталостью.

*Бабуши – кожаные туфли без задников

Глава 4

– А какой он – господин Заид? – спрашиваю Хаю, семена за ней по коридору.

Она бросает на меня насмешливый взгляд.

– Тебе-то какая разница?

– Я вчера утром видела, как одна из девушек вернулась от него. Она так широко улыбалась. Он ей сделал приятно, да?

– О, Аллах, у тебя рот закрывается когда-нибудь? – закатив глаза, произносит Хая.

– Я не специально. Просто меня же готовили для его гарема, вот и интересуюсь.

– У тебя регулы пришли? – переводит она тему.

– Еще нет.

– Сколько ждать?

– Неделю еще.

– Если не придут, иди к врачу. А до того молись, чтобы ты не была беременна от этого шакала. Если забеременеешь – выгонят.

Сглатываю горький ком. Не хочу даже думать о такой возможности. От воспоминаний, которые я уже привыкла гнать от себя, внутри снова все горит и болит.

– Ладно, не вешай нос, Амира. Может, все обойдется. Ты уже полностью освоилась?

– Пока еще в некоторых коридорах теряюсь, но быстро

нахожу выход.

– Вот и славно. Кухарка хвалила тебя. Сказала, что ты хорошая помощница.

– Я бы с радостью осталась на кухне. Всю неделю, что я там проработала, мне было комфортно.

Мы заходим за угол в пустую часть гарема, где мне предстоит готовить комнаты для девушек. В каждой будет жить по двое. Эта мера была придумана Лutfией, чтобы девушки между собой не ругались и встречались только за приемами пищи и отдыхом в общей комнате. Хая перехватывает меня за локоть и, осмотревшись по сторонам, наклоняется ко мне, понижая голос.

– Валид рвет и мечет, – шепчет она.

– Кто такой этот Валид?

– Правая рука господина. Он знает, что в гарем привезли девушку. Не просто какую-то из... а девушку, о которой господин Заид лично договаривался с ее отцом. И это ты, Амира. Если в скором времени ты не пойдешь на ночь к господину, здесь всем будет мало места. У него очень хорошая память, и то, что он пока еще не позвал тебя, говорит только о том, что у него нет на это времени.

– Так он же зовет других девушек.

– Да, но только чтобы сбросить напряжение. Он не позвал еще ни одну из новеньких. У него нет времени возиться с вами. Но когда оно появится... – Она качает головой и цыкает. – Я не знаю, что мы будем делать. Господин обрушит

небо на наши головы.

– И что же делать?

– Пока не знаю. Но то, что рано или поздно ты попадешь к нему – если, конечно, ты не носишь под сердцем ребенка – это факт. И это событие, к которому мы должны быть готовы.

– А как мы будем готовиться?

Она фыркает.

– Мы. Ты будешь готовиться. Но я пока не знаю, Амира. Сейчас нам главное выждать время и убедиться, что ты чиста.

– Я сделаю все, что нужно, – киваю ей.

– Совсем не боишься идти к нему? – прищурившись, спрашивает Хая.

Боюсь. Так сильно боюсь, что слабеют колени. Я теперь в принципе боюсь мужчин. Стоит мне лишь услышать эхо мужских голосов в коридоре, перед глазами встает темная пелена, а сердце пытается выпрыгнуть из груди, и я стараюсь убежать как можно скорее. Этот ужас животный и не поддается контролю. Хая, чтобы помочь, много разговаривает со мной о произошедшем, делится опытом других девушек, которых тоже изнасиловали. Мне становится легче от этих бесед, но когда рядом оказывается мужчина, все мои внутренние установки летят в пропасть. А к господин Заиду я рвусь не в постель. Он тот, у кого власть. Тот, кто поможет мне осуществить мой план мести Малиху. Я правда пыталась простить его за этот грех и забыть, но у меня не получается.

И пускай Аллах считает меня недостойной, я уверена, что мне не будет покоя, пока мой обидчик не понесет наказание.

– А что, он такой страшный? – дрожащим голосом спрашиваю я.

Она пожимает плечами.

– Для кого как. Может, тебе еще и понравится, как вчера понравилось Аделе. Ладно, хватит болтать.

Хая толкает дверь, и мы входим в просторную комнату. Красивую до невозможности, роскошную. Она угловая, и на каждой стене по большому окну, слева от одного из которых – выход на балкон. Я подбегаю к стеклянной двери и выглядываю наружу. Широкий каменный балкон с высокой балюстрадой и уютно расставленные там два плетеных кресла и стол на мраморной ножке. Улыбнувшись, возвращаю внимание к комнате. В дальнем углу на постаменте широкая кровать с шелковым покрывалом, слева от нее – подушки с золотой вышивкой и низкий столик. С другой стороны – туалетный столик и две двери. Ведомая любопытством, проверяю, что за ними: ванная комната и шикарный гардероб с огромным зеркалом во всю стену. Я кручусь перед ним, рассматривая уже пожелтевшие синяки на своем лице.

– Прикрой лицо, – беззлобно рычит Хая, и я возвращаю накидку на место. – Так. Это комната для фавориток господина Заида, будешь готовить сначала ее. Завтра сюда должна переселиться одна из девушек. Подготовь комнату полностью, от пола до потолка.

– Она будет жить здесь одна? – шокировано спрашиваю я, на что Хая кивает. – Но должны же по две.

– О, сейчас передам Лутфие, что госпожа Амира недовольна, – потешается Хая, а я закрываю рот, осознавая неуместность своего замечания. – С тобой будет работать Сакина, сейчас я ее пришлю. Поторопитесь. Постельное белье принесут, как и шторы. Выбейте подушки, только не здесь, а на втором дворе.

– На втором дворе?

– Да, – с кивком отвечает Хая. – Тот, который отгорожен от заднего. Ну что ты такая несообразительная? И вообще, почему я с тобой вожусь?

– Наверное, потому что скоро эта комната станет моей, – с улыбкой отвечаю я.

– Э-эх, какая ты скорая. Тебе же сказали: к господину ты не попадешь.

– Но Валид же найдет путь.

Хая цыкает.

– Валид найдет, – повторяет она язвительным тоном. – Мужа тебе Валид найдет.

– Не хочу мужа. – Я наконец становлюсь серьезной.

– Это лучшая участь, чем к этому грязному Малиху в руки.

– А я могу остаться прислуживать?

– Ой, не знаю я ничего. Что ты меня допытываешь? И вообще, у меня дел по горло. Все, принимайся за работу. Неси

лестницу, снимай пыльные шторы.

С этими словами Хая выходит из комнаты, а я кружусь, представляя себе, как буду жить в ней. Может, это наивно, учитывая слова Хаи, но помечтать же можно? Присаживаюсь за туалетный столик и делаю вид, что крашу глаза и расчесываю волосы.

– Сакина, принеси воды, меня жажда мучает. И не той теплой, что ты принесла в прошлый раз, – наиграно высокомерным тоном произношу я, – а свежей. Со льдом.

– Сейчас все брошу и принесу, – слышу у себя за спиной и ахаю. Поворачиваюсь. В дверях стоит недовольная Сакина и сверлит меня взглядом. – Госпожа желает еще чего-нибудь?

Я смеюсь.

– Прости, я просто представляла, что это моя комната и что я уже фаворитка господина. – Сакина хмыкает. – А твое имя – единственное, чье я знаю, помимо кухарок, Лутфии с Хаей и моей подруги Инас.

– Ну и приказывала бы Лутфии, – фыркает она, осматриваясь точно так же, как я несколько минут назад. – Шикарная комната. Какая девушка не мечтала бы жить здесь?

– А ты почему не в гареме господина Заида?

– Что ты? Я слишком низкого происхождения.

– Даже для гарема? – спрашиваю я, вставая.

– Даже для него. К счастью, меня не отдали какому-нибудь работяге в жены, и я не влачу жалкое существование. Выгодно выйти замуж здесь шансов больше, чем живя в род-

ной семье. Да и кормят здесь получше. Опять же, деньги зарабатываю, а тратить их почти ни на что не надо. Жилье, еда, одежда – все это дают бесплатно, и у меня есть возможность отложить.

– А на что ты откладываешь?

– Я хочу свой дом.

– И ты сама сможешь купить его? – удивляюсь я.

– Конечно. Только мне для этого нужно работать много лет. Но я обязательно исполню свою мечту. Ладно, давай начинать, иначе мы до вечера не управимся. Пойдем за ведрами и тряпками.

Я плетусь за Сакиной по коридору, размышляя о сказанном ею. Получается, женщина сама может купить дом и жить в нем? Для этого ей не нужен муж? Поразительно просто! Что ни день, то открытие. Но папа всегда говорит, что женщина, живущая без мужчины, лишает себя защиты. Это небезопасно в нашем мире. Так что отбрасываю идею Сакины как ненужную. Я буду откладывать деньги, как она, но на что-то другое. Может, на красивые наряды. Или на духи. Или на украшения. Нет. Разочарованно вздыхаю. Все эти вещи должен женщине покупать ее муж. Но мне муж не светит, пока я в гареме Заида. И в этот момент я еще сильнее укрепляюсь в мысли, что должна как-то попасть к нему в спальню. Да, Хая сказала, что Валид может найти мне мужа. Но какая жизнь ждет меня с ним? Что, если такая, о которой сказала Сакина? Влачить жалкое существование после всего, чем

обеспечивал меня отец, я вряд ли смогу. Да, мне точно нужно попасть в постель господина Заида. А там я уже примерно знаю, что делать. Лечь, раздвинуть ноги и не сопротивляться. При одной мысли, что мне снова придется пройти через этот ад, ярость клокочет в горле, а в груди болезненно ноет сердце. И снова хочется то ли плакать, то ли крушить все вокруг. Чтобы отвлечься, я спрашиваю Сакину:

– А девушки из гарема выходят на улицу?

– Конечно. Но только во внутренний двор. На заднем отдыхает господин со своими гостями, а передний только для тех, кто входит в дом и выходит из него.

– А второй?

– Для прислуги.

Я киваю.

– А для чего эти вазы?

– Для красоты.

– Ясно. А ты видела когда-нибудь господина Заида?

– Только со спины.

– Какой он?

Сакина пожимает плечами.

– Большой. Он же был в кандуре* и гутре**. Что я там могла рассмотреть?

– Ну да, – соглашаюсь. – Логично.

– Ты так много болтаешь, – попрекает меня Сакина.

Это я чтобы не сойти с ума, потому что, как только замолкаю, внутри меня снова что-то с треском ломается, и я

вспоминаю о том, что надо мной надругались. Не могу об этом не думать. Даже тоска по дому отошла на задний план. Я уже три недели в гареме и почти каждый день прошусь в хаммам, чтобы смыть с себя позор, очистить тело и душу, но сердце все еще болит. Молюсь, прося Аллаха избавить меня от ночных кошмаров и вечного страха. На том пока и держусь, хоть меня и не покидает ощущение, что я сорвусь, как только в поле зрения окажется какой-нибудь мужчина. Ведь за время, проведенное в гареме, я привыкла, что меня окружают только женщины, и потому немного расслабилась. К тому же со мной много разговаривает Хая, иногда Инас, когда не занята подготовкой к ночи с господином. Оказывается, девушек особенным образом готовят, чтобы они не испытывали страха, не робели. Их учат танцевать, а также правильно ухаживать за волосами и наносить макияж. Иногда я подглядываю за их уроками, а иногда Инас показывает, чему ее научили. И я бы тоже с радостью училась всем этим женским премудростям вместо того, чтобы драить комнаты для одной из счастливиц.

– Последний вопрос, – произношу я, а Сакина закатывает глаза и ускоряет шаг. – А сколько здесь таких комнат для фавориток?

– Я слышала, что пять, и изначально они предназначались для беременных фавориток и тех, кто с детьми.

– А та, которая сюда завтра переедет, беременна?

– Ты говорила, что тот вопрос был последним.

– Ну еще один. Самый последний.

– Самый последний, – фыркает Сакина, повторяя мои слова. – Не беременна. Наш господин не может иметь детей, – шепчет она.

– А я рожу ему, – отзываюсь с уверенностью.

– Ну да, двадцать шесть девушек не родили, а она родит.

– И рожу, – повторяю твердо.

– Ну-ну. Хватит болтать, пришли, – осекает меня Сакина, распахивая перед нами дверь в хозяйственное помещение.

Не знаю, откуда во мне эта уверенность, но я точно знаю, что мой сын станет первенцем господина Заида. Сегодня во время вечернего намаза я буду просить Всевышнего об этом особенно рьяно. Теперь у меня появилась еще одна цель, и я мысленно пополняю список: попасть в постель к господину Заиду, забеременеть от него, отомстить Малиху. Я полна решительности достигнуть каждой, но от последней – точно знаю – получу самое большое удовольствие.

* Кандура – мужское длинное платье из натуральной ткани.

** Гутра – мужской головной платок.

Глава 5

Облегченно выдыхаю, когда приходят регулы. Врач осмотрела меня еще до них, потому что особые дни месяца в этот раз задерживались, но я все равно была очень решительно настроена, а потому начала донимать Хаю вопросами о том, как избавиться от ребенка. Мне, как и всякой женщине, хочется иметь детей. Но если уж не суждено родить от любимого мужчины, то это должен быть хотя бы тот, с кем я лягу по собственному желанию. Хотя даже от малейшей мысли об этом меня начинает тошнить и знобить. Не знаю, как собираюсь воплотить в жизнь свои задумки, когда еще слишком живы ощущения в теле, на которое теперь стараюсь не смотреть. Мне противно рассматривать себя. Как будто я стала грязной и недостойной не только господина Заида, но и самой себя.

Я стучусь и, получив позволение войти, толкаю деревянную дверь.

– О, уже время уборки? – спрашивает Адела, фаворитка господина Заида. Она чаще остальных ходит в его спальню, а потому к ней в гареме особое отношение.

Я невольно застываю на входе и люблюсь ею. Понятно, почему она чаще других бывает в спальне господина. Она ослепительно красивая. Высокая, с шикарной фигурой, подчеркнутой приталенным черным платьем с филигранной золо-

той вышивкой. Невероятная копна блестящих волос, ниспадающих на плечи крупными волнами. А взмах руки – просто образец изящества, поворот шеи, наклон головы... все в ней безупречно. Вздыхаю, осознавая, что мне никогда такой не стать. По меркам нашей страны я не красавица. Мужчины засматриваются на меня только лишь из-за экзотической внешности. Мои глаза – вот что их манит.

– Я не выпалась, так что сильно не греми, – сжимая виски, произносит Адела.

– Может, вам принести чай?

– Я уже послала за ним Назиму.

Да, вот еще один плюс быть фавориткой – собственная служанка, которая в режиме нон-стоп прислуживает тебе. Наверное, это здорово, но мне вряд ли такое светит.

Разворачиваюсь и иду в ванную комнату, где сразу же приступаю к уборке. Дверь оставляю немного приоткрытой, чтобы не задохнуться от паров химических средств. Пока я натираю мраморные стены, слышу, как в комнату сначала входит Назима, а потом, как только она покидает ее, появляется еще одна фаворитка господина, Ясмينا. Странно, но девушки дружат между собой, что в таком гареме, как этот, в принципе нонсенс, потому что слишком высока конкуренция. Но этим двоим как-то удалось построить дружбу.

– Что-то ты сегодня совсем не выходишь в гарем, – говорит Ясмينا, и по шуршанию ее одежды я догадываюсь, что та присела рядом с подругой на невысокий диванчик.

– Голова болит. Господин не давал спать полночи.

Они хихикают, а я хмурюсь. Пожалуй, мне не стоило бы слушать такие разговоры. Мало того, что они не способствуют моему психологическому здоровью, а даже пугают больше, так еще и скажут, что я шпионю для своей подруги Инас, если поймают за подслушиванием. Начинаю тереть стену усерднее, создавая больше шума, чтобы заглушить доносящийся до меня разговор, но, когда смываю пену и начинаю вытирать мрамор насухо, невольно все равно становлюсь свидетелем продолжения.

– Я слышала, Валид сказал, что господин приболел, – негромко говорит Ясмина, а Адела фыркает.

– Для меня Заид всегда здоров. По крайней мере, вчера ночью был.

– Не называй по имени, Адела, – шипит подруга. – Накажут.

– Да откуда они узнают? – Наступает короткая пауза. – Кто? Амира? Да она и не вздохнет лишний раз без приказа. Ты же слышала, на каких условиях ее взяла Лутфия? Мне стоит только пальцем щелкнуть, и девка тут же вылетит из гарема и из особняка.

Я крепко сжимаю челюсти. Ах вот как, значит? Во мне крепнет решимость вытолкать эту красавицу Аделу из покоев фаворитки. Выпрямляюсь и бросаю тряпку на пол. Нет, не нужны мне ее покои! Я буду жить в комнате господина! Да, именно так и будет! Глянув на пятно на стене, со вздохом

поднимаю тряпку и продолжаю тереть мрамор.

Вечером я лежу на матрасе, не в силах пошевелиться от усталости. И уснуть не могу, что поразительно. Чем сильнее устаю, тем сложнее отправиться в царство Морфея. Рядом со мной садится Инас. Вот кто бодр и полон сил. Я лениво моргаю, глядя на подругу.

– Целый день тебя не видела, – говорит она, а я кривлюсь.

– Чуть тише, пожалуйста.

– Ты что, тоже заболела?

– В каком смысле – тоже?

– Говорят, господин Заид болен. И Адела на вечер слегла. Врач осмотрела ее, говорит, грипп.

– Нет, я здорова, просто очень устала. Адела словно специально разбрызгивала по стенам ванной масла и средства для купания, чтобы мне было чем заняться. А потом я драила полы на кухне. Щеткой, Инас, – восклицаю севшим от усталости голосом. – Каждый стык. К такому меня жизнь не готовила.

– Ну да. Ты же у нас практически принцесса.

– Как минимум, любимая дочь, которая раньше не знала таких нагрузок. Я, конечно, трудолюбивая, но всему есть предел. Ох, не хочу об этом. Расскажи лучше, чем ты сегодня занималась.

– Нас сегодня учили танцевать и... – она подается вперед и продолжает шепотом: – угождать господину.

– Угождать? – Инас кивает. – Это как?

– Давай я сначала танец покажу, – краснея, говорит она. Кто бы мог подумать? Инас и краснеет. Это должно быть нечто из ряда вон выходящее, раз она так смущается.

– Давай начнем с танца.

Я слежу за каждым движением подруги. Она красиво извивается, кружа в тесном пространстве площадки для сна, демонстрируя свои новые умения. Мозг сам запоминает каждое движение, хоть изображение перед глазами уже немного размытое. Закончив, Инас снова приземляется рядом со мной и при этом тяжело и часто дышит.

– Ты только не усни, я ведь не рассказала самое интересное. – Она подается вперед и наклоняется к самому моему уху, а потом начинает шептать: – Есть несколько способов доставить мужчине удовольствие. Сегодня нас учили делать это ртом...

Под конец рассказа и примерной наглядной демонстрации на пальцах, Инас замолкает, а я пылаю вся до кончиков пальцев и волос. Ужас какой! Разве такое может быть приятно мужчине, а уж тем более женщине? Это же отвратительно! Как они такое делают и до сих пор улыбаются, и нормально живут? Та же Адела. Наверняка она умеет доставлять господину такое удовольствие. И после всего этого она так непринужденно болтает с подругой? Мне кажется, я бы уже умерла от стыда и не смогла бы никогда поднять взгляд, даже на саму себя в зеркале.

– Ну что ты так скривилась? – спрашивает Инас. – Это же

все естественные процессы.

– Естественные? – переспрашиваю я. – Инас, это ужасно.

Она небрежно пожимает плечом.

– Как бы там ни было, мы должны уметь это делать. Но тебе все равно не грозит попасть к господину Заиду, так что можно не переживать.

– Тебе почем знать? – ошетиливаюсь я.

– Сегодня слышала разговор Лутфии с Валидом. Он сказал, что тебя заменят другой девочкой, она уже на пути сюда. Зато больше тебя ни один мужчина не тронет.

Внутри меня поднимается буря. Как это – заменят? Меня невозможно заменить! Я одна такая!

– Что за девочка? – выдавливаю из себя.

– Русская какая-то. Говорят, тоже с голубыми глазами, только она шатенка.

Я едва сдерживаю ярость и панику, клопочущие внутри. Резко поворачиваюсь спиной к Инас и укрываюсь тонким покрывалом.

– Эй, ты чего? Обиделась, что ли? – Она трогает меня за плечо, а я еще выше натягиваю покров.

– Нет. Устала очень, спать хочу, – сухо отвечаю я.

Инас медлит пару минут, а потом встает.

– Ну как знаешь. Хоть бы спасибо сказала, что я поделилась.

– Спасибо. Прости, я и правда хочу спать.

– Ну ладно, – снисходительно отвечает она и покидает зо-

ну сна, а потом и вовсе выходит из комнаты прислуги.

Я слышу тихие разговоры девушек на другой стороне комнаты, и под этот мерный гул пытаюсь уснуть. Но в мысли то и дело врываются слова Инас о том, что меня хотят заменить какой-то русской. Да какой бы национальности она ни была, меня невозможно заменить! Это мое место! Рядом с господином должна быть только я! Иначе как я отомщу Малиху? Это ведь мой единственный шанс, неужели они не понимают? Но если я что и узнала о гареме, так это то, что здесь каждый сам за себя. Невозможно соперничать и дружить в настолько конкурентной среде.

Хмурюсь, пытаюсь сложить в голове план. Судя по словам Инас, Валид мне теперь не помощник. А Шуджа? Он ведь правая рука господина. Но я никогда его не видела, он совсем не заходит в гарем. И если Валид появляется в женской половине хотя бы изредка, то второй помощник обитает только на мужской половине особняка. На Лутфию мне тоже рассчитывать не стоит. Несмотря на то, что я уже месяц изо дня в день покорно доказываю ей, что она не ошиблась в решении оставить меня, распорядительница все равно слишком предвзята ко мне. Я могла бы попросить Хаю, но у нее нет столько влияния, чтобы организовать мне поход в спальню господина. Но беру себе на заметку поговорить об этом с ней после завтрака.

Но утром в особняке полный переполох. Господин Заид серьезно заболел, а следом за ним слегли обе его фаворитки

и оба помощника. Все девочки в комнате прислуги ждут указаний от Лутфии или Хая, потому что из-за болезни наши планы наверняка изменятся. Мы негромко переговариваемся, обсуждая главные новости. Каждая из нас боится идти в комнату любого из заболевших из страха подхватить вирус, но мы понимаем, что кого-то из нас все равно пошлют туда.

Наконец в комнату, словно вихрь, врывается Хая.

– Так, девочки, мне нужно по одной к заболевшим. Это на целый день: приносить еду, питье, контролировать температуру. Давайте.

Она щелкает пальцами, пытаясь спровоцировать нас вызваться самим, но никто даже не дергается.

– А куда идти? – негромко спрашиваю я.

– Сказала же, к заболевшим.

– Я пойду к господину Заиду.

Хая фыркает.

– Ты и еще половина гарема. За господином есть кому ухаживать. Пойдешь к Аделе.

– Но у нее есть Назима.

– Которая тоже заболела. Дальше...

Она распределяет людей, а я стою, скисшая. Это же был мой шанс, и он так просто просочился сквозь пальцы. Как только Хая заканчивает раздавать указания и девушки начинают разбредаться, я бросаюсь к ней.

– Хая! – зову негромко, схватив ее за локоть. Она поворачивается и смотрит на меня, слегка приподняв брови. – Пу-

сти меня к господину Заиду, – прошу я, и она снова фыркает.

– Сказала же, там без тебя есть кому за ним ухаживать.

Я подаюсь к ней и начинаю быстро шептать на ухо:

– Ему везут новую девушку.

– Я это и без тебя знаю.

– Мне на замену.

– И это знаю. И что?

– Я должна попасть к нему. Если я не могу попасть в постель, то должна хотя бы оказаться рядом.

Хая цыкает и тычет в меня пальцем.

– Поезд ушел, девочка. Уже ничего не изменишь.

– Прошу тебя, – умоляю я, сложив ладони вместе. – Я что угодно сделаю, чтобы ты дала мне этот шанс.

– Лутфия собралась отправить туда Фариду, она опытная служанка.

– Я все сделаю как надо, обещаю. Только скажи, что нужно.

Хая качает головой и закатывает глаза.

– Один день, Амира. Если что-то пойдет не так, ты сама туда прорвалась.

Я быстро киваю, задыхаясь, потому что не верю своей удаче. Я сделаю все, чтобы господин обратил на меня внимание. Разглаживаю пояс шаровар и несусь на выход следом за Хайей, которая рассказывает мне, что я должна буду делать и как себя вести. Мои внутренности от переживаний сжались в комок, который теперь давит мне на грудную клетку, но это

не так страшно, как быть замененной другой и стать совершенно бесполезной. Все это отдалит меня от главной цели. А сегодняшняя возможность меня к ней приблизит. По крайней мере, я возлагаю на нашу с господином встречу огромные надежды.

Глава 6

Я на цыпочках ступаю по ковру с высоким ворсом и боюсь даже посмотреть в сторону кровати. В комнате полумрак. Шторы задернуты, окна и балконные двери закрыты, практически на полную мощность работают два кондиционера. Я немного ежусь от непривычной прохлады. В гареме тоже охлаждаются все комнаты, но такого холода, как здесь, там нет. Интересно, господину Заиду не зябко?

Я ставлю столик-поднос рядом с подушками на постаменте, слыша, как слуга господина тихо прикрывает дверь позади меня. Осматриваюсь по сторонам. Из-за приглушенного света видно плохо, но я точно могу определить, что эта комната – если не считать общих – самая большая из мною виденных в этом особняке. Полы устланы коврами с высоким ворсом, что делает шаги бесшумными и позволяет мне передвигаться без единого звука, если не считать дыхание и шуршание одежды. Постамент с местом для отдыха, большая кровать, два огромных кресла с высокими спинками, нависающий между ними хромированный торшер и столик, разделяющий эти кресла. Рядом с ними установлен невысокий книжный шкаф, а дальше две двери. По планировке комнат, к которой я уже привыкла, могу сказать, что одна дверь ведет в гардеробную, а вторая – в ванную комнату. Удивительно, но здесь не пахнет ни болезнью, ни застоявшимся воздухом.

В комнате витает приятный аромат – смесь древесных и свежих ноток морского бриза. Мне нравится.

– Ты пришла сюда кружиться?

Я вздрагиваю и негромко вскрикиваю от громогласного голоса, раздавшегося от кровати. Опускаю голову и резко поворачиваюсь лицом к господину Заиду. По заведенному правилу я не могу смотреть ему в глаза, пока он сам не прикажет. А мне жуть как хочется взглянуть на него. Хотя бы одним глазочком. Но все портит мой страх, от которого я так и не избавилась. И пускай голос господина Заида совсем не похож на голос того шакала, сердце все равно трепыхается в груди, сигналивая об опасности.

– Простите, господин, – дрожащим голосом произношу я, медленно двигаясь к оставленному мной столику. В таком холоде суп, наверное, совсем остыл и будет бесполезен для больного человека. – Я пришла, чтобы помочь вам.

– И что ты будешь делать для этого? – хрипло спрашивает он, а потом слегка закашливается. – Рассматривать мою спальню?

– М-м-м, нет. Буду кормить вас.

– Ну корми, – громыхает он недовольно.

– Потом нужно будет измерить температуру, – говорю я, поднося к кровати столик для завтрака.

– Я и без градусника могу сказать, что она высокая. Когда прибудет врач?

Я подхожу к постели и, не глядя на господина Заида,

устраиваю столик над его бедрами, поставив его на кровать.

– Мне лежать есть?

– Простите.

У меня трясутся руки. От мужской близости, от его недоброго тона, от страха, что он в любой момент может схватить меня, и я ничего не смогу с этим сделать. А потом вспоминаю, что мое лицо скрыто шелой, а таких девушек, как я, в гареме десятки. Единственное, что меня выдает – это глаза, но они скрыты от господина Заида полумраком.

Я поднимаю столик и покорно жду, пока он удобно усядется.

– Поправь подушки. – Я снова слегка вздрагиваю от его голоса. Он не кричит и не ругается, а все равно страшно. – Поставь столик и поправь подушки, – повторяет он, когда я не двигаюсь с места.

– Да, конечно, – суечусь, снова устраивая столик на постели, а потом хватаюсь за подушки и передвигаю их так, как, на мой взгляд, ему будет удобно. – Простите.

– И хватит извиняться, это раздражает. Что там с врачом?

– Будет в полдень, чтобы дать вам лекарства.

Господин Заид поднимает пиалу с супом и за один раз выпивает его.

– А лепешка? – неуверенно произношу, видя, как он ставит посуду на столик и откидывается на подушки.

– Еще принеси. Этого мало. К тому же, суп холодный. Поторопись, я есть хочу. Нормальную еду, а не пустую жижу. И

что-нибудь посущественнее пусть приготовят.

– Хороший аппетит – это путь к выздоровлению, – с улыбкой говорю я, а потом замираю, чувствуя на себе тяжелый взгляд, от которого у меня волосы на затылке встают дыбом. Решаюсь бросить быстрый взгляд на господина, и тут же отвожу свой. Я не вижу его лица, но успеваю заметить блестящие в темноте глаза, которые сверлят меня. – Моя мама так всегда говорила, – дрожащим голосом добавляю я. – То есть, моя тетя. Она моя мама.

Я непроизвольно легонько фыркаю, понимая, что путаюсь сама и путаю господина Заида.

– Так мама или тетя?

– Мама. В смысле, тетя, но она заменила мне маму.

– Ясно, – задумчиво отзывается он. – Так что там с едой?

Я хватаю столик и несусь с ним на выход. Под пронзительным взглядом, который ощущаю даже спиной, я спотыкаюсь. Но, к счастью, удерживаюсь на ногах. Не хватало испачкать остатками еды светлый ковер. Перехватив столик одной рукой, я коротко стучу в дверь и, как только слуга открывает ее, выскальзываю в коридор. Даже несмотря на прохладу в комнате господина Заида, моя кожа покрылась испариной. Быстро несусь в кухню, где хозяину собирают завтрак, а потом, стараясь не опрокинуть содержимое посуды, иду обратно. Слуга, стоящий возле дверей, открывает их, впуская меня в полумрак.

– Я принесла завтрак, – произношу тихо на случай, если

господин снова уснул.

– Неси сюда.

Он снова садится и, как в прошлый раз, я ставлю столик на кровать и поправляю подушки. Он тут же принимается за еду, а я не знаю, куда себя деть. Отхожу на несколько шагов и сцепляю пальцы перед собой. Голова опущена, как и положено, я рассматриваю свои бежевые бабуши.

– Как будешь развлекать меня, м? – спрашивает господин Заид.

Я, не задумываясь, вскидываю взгляд, а потом так же резко опускаю вниз.

– Я думала, вы будете спать.

– А ты будешь нависать надо мной? Это вряд ли.

– Эм-м-м, я могу позвать кого-то из девушек, чтобы... не знаю, они могли станцевать для вас или сыграть.

– А сама что же?

– Я ведь служанка.

Он хмыкает.

– Ты же из гарема, вас всех должны такому учить.

– Я... у меня нет времени на обучение.

– Не хочу музыку и танцы, голова раскалывается, – игнорируя мой ответ, произносит он.

– Я могу сделать вам компресс, чтобы немного облегчить боль и снять жар.

– Правда? Ну давай.

– Я сейчас.

Снова срываюсь и выбегаю из комнаты. В кухне прошу миску с водой и полотенце, а также экстракт эвкалипта, который тут же добавляю в воду. Забираю все это и иду назад. Как только вхожу в комнату, вижу, что господин Заид уже съел свой завтрак и лег. Быстро же он с едой расправляется. Отставляю столик с пустой посудой на пол, полощу полотенце в воде и, отжав его, тянусь к хозяину дома, но зависаю на несколько секунд, не решаясь прикоснуться к нему.

– Не робей, – произносит он сипло.

Я протягиваю руки и устраиваю на лбу господина Заида полотенце, а он тут же расслабленно выдыхает.

– Да, это то, что нужно.

Я выпрямляюсь, но остаюсь стоять рядом, чтобы заменить компресс, когда он станет теплым.

– Как твое имя? – спрашивает он совершенно неожиданно.

– Амира, – отвечаю взволнованно. Узнает или нет?

– Так как ты будешь развлекать меня, Амира?

– Я могу... – Мой взгляд блуждает по комнате, пока я пытаюсь понять, что могу сделать для него, а потом натывается на книжный шкаф. – Могу почитать вам!

Я разочарована, что он не узнал меня. Должен был, он ведь ждал моего прибытия. Но так легко и спокойно воспринял мое имя. Мне приходится одернуть себя. Не будет же он кидаться ко мне с объятиями и криками о том, что всю жизнь мечтал о знакомстве со мной. Чушь какая. У него в

гареме столько девушек, всех не упомнишь.

– Ну почитай.

Я направляюсь к шкафу. В темноте плохо видно книги, поэтому я оборачиваюсь к господину.

– Я могу включить торшер?

– Я закрою глаза, включай.

Щелкнув выключателем, я быстро перебираю книги.

– Что бы вы хотели послушать?

– На твой выбор, – тихо отвечает он.

– Тогда я выберу что-нибудь из художественной литературы, чтобы вы отдохали, а не думали.

– Согласен.

Выватив одну из классических книг, я выключаю свет и возвращаюсь к кровати. Осматриваюсь, пытаюсь придумать, как настроить источник света, чтобы я могла читать, и мой взгляд падает на шторы за изголовьем кровати.

– Если позволите, я сяду у окна, чтобы видеть буквы.

Господин Заид взмахивает рукой, позволяя мне сделать так, как я задумала. Быстро сменив ему компресс, я перетаскиваю подушку с постамента к окну, присаживаюсь на нее, немного отодвигаю штору так, чтобы свет падал на книгу, и принимаюсь негромко читать. Да, это именно то, по чему я жутко соскучилась. Живя в доме родителей, я много читала. У девушки на выданье не так много развлечений. Несмотря на сказанное мной господину Заиду, я умею и танцевать, и играть на музыкальных инструментах. Более того, я обо-

жаю фортепиано, но его здесь нет, так что хвастаться своими умениями мне не на чем. Да и демонстрировать свои хореографические навыки я бы не стала просто потому, что они обычно пробуждают в мужчине желание. Как бы сильно мне ни хотелось проникнуть в постель к господину Заиду, чтобы достигнуть своей цели, я пока еще не готова. Меня трясет от одной мысли, что меня снова коснутся мужские руки. Так что я буду читать, пока не охрипну. Сделаю все, чтобы он слышал мой голос и запоминал его, но пока еще не испытывал ко мне вожделения.

Через некоторое время, когда я меняю очередной компресс, обращаю внимание, что хозяин задремал. Моя ладонь висит над его лбом. Когда у человека жар, даже на таком небольшом расстоянии можно почувствовать тепло, а я же ничего не чувствую. Хая сказала, что я должна мерять температуру господина, но за всей этой суетой и чтением я совсем об этом забыла. Мои пальцы подрагивают, когда я опускаю ладонь на его лоб. Могу ошибаться, но кажется, температура снизилась. Господин Заид негромко стонет, и я резко одергиваю руку.

– Положи назад, – бормочет он.

Я смотрю на свою ладонь и на компресс в другой руке, не понимая, о чем именно он говорит. Наверное, о компрессе. Возвращаю полотенце на его лоб. Господин Заид еще что-то ворчит невнятно, а потом снова проваливается в сон. Да, он точно просил вернуть на место компресс.

Я снова устраиваюсь у окна, но на этот раз беру книгу о ведении бизнеса и погружаюсь в чтение. Кто-то мог бы сказать, что это жутко скучно, но для меня – девушки, далекой от бизнеса – все эти графики и стратегии оказываются жутко интересными, хоть пока еще совершенно непонятными. Я не замечаю, как погружаюсь в мир цифр и просчетов, пока не приходит время обеда, о котором возвещает протяжный зов муэдзина, призывающий к обеденному намазу.

Глава 7

Как только время молитвы заканчивается, в дверь стучат, и в нее входит врач. Я вскакиваю со своего места и отворачиваюсь и, по мере того, как врач приближается к кровати, я, подхватив столик, удаляюсь от нее к двери. Слуга держит дверь открытой, чтобы я могла прошмыгнуть в нее и испариться из комнаты господина. Мне то и дело приходится напоминать себе наказ Лутфии о том, что я должна стать тенью гарема, но так хочется взбрыкнуть или выкинуть нечто эдакое, чтобы господин меня заметил. Бросив последний взгляд в его спальню, я с сожалением отмечаю, что он спокойно беседует с врачом, совершенно не обращая внимания на то, что я покидаю комнату.

Медленно добредаю по тихому коридору до кухни, вхожу туда, передавая столик с грязной посудой кухаркам, и возвращаюсь в гарем, чтобы найти Хаю и получить дальнейшие распоряжения. Я не успеваю дойти до арки, ведущей к комнатам гарема, как кто-то сзади хватается меня за волосы прямо сквозь платок и резко дергает назад. Я вскрикиваю и пытаюсь перехватить руку, тянущую меня в темный угол, но моя ладонь только беспомощно хватается воздух. Внезапно горло сковывает ужасом, когда мысли прорезает кошмарная догадка о том, что меня тянут в сторону мужской половины. Может, кто-то из мужчин проследил за мной и хочет повторить

то, что сделал Малих?! Тело покрывается холодным липким потом, а ужас, пробегающий по крови, замораживает ее, делая меня абсолютно беспомощной. Мышцы деревенеют, и боль, которую я еще секунду назад ощущала так остро, теперь какая-то приглушенная и тупая. Правда, теперь я чувствую ее не только кожей головы, но и всем телом. Оно разом наливается свинцом, кровь в висках неистово стучит, а к горлу подкатывает тошнота. От страха начинает кружиться голова.

Как только мы сворачиваем за угол, рука, державшая меня за волосы, резко перехватывает за горло и, развернув, впечатывает в стену так сильно, что я бьюсь о мрамор затылком, и тошнота усиливается. Перед глазами плывет изображение, но даже в полумраке темного угла я начинаю различать черты одной из служанок. «Фарида!» – осеняет меня. Я вцепляюсь в держащую меня руку и пытаюсь махать ногами, чтобы отбиваться.

– Ах ты разнесчастная овечка! – шипит она, приблизив свое лицо к моему. Тонкая ткань наших шел соприкасается и танцует на легком сквозняке. – Дочь шакала! – цедит сквозь зубы.

– Фарида, пусти, – выдавливаю из себя с остатками дыхания. – Ты что делаешь?

– До тебя тут было все хорошо, но ты... порченная... пришла и пытаешься менять порядки. Думаешь, если Хая тебя отправила к господину, я не добьюсь, чтобы тебя вышвырну-

ли? Лутфия приказала мне прислуживать господину Заиду, но нет, наша особенная девочка решила, что она выше всех. Ты знаешь, сколько я провела в этом гареме в надежде подобраться к его хозяину? – Она снова отрывает меня от стены и впечатывает в нее затылком, отчего в голове все звенит, а тело слабеет, перед глазами плывут разноцветные круги. – Знаешь, сколько раз я пыталась добиться своего?

Еще удар. Потом пощечина, еще одна с другой стороны. Я уже плохо соображаю, едва слушая ее злобное рычание, а она все продолжает шипеть что-то о том, что сегодня у нее был шанс, но я все испортила. Она бьет и бьет, практически не останавливаясь, а я уже даже не держусь за ее руку, которая удерживает меня за горло, потому что у меня нет сил. Я повисаю в руках дородной служанки безвольным мешком, который даже защититься неспособен. Меня не учили физическому сопротивлению, потому что в этом никогда не было необходимости. Да и что я могу противопоставить девушке, которая выше меня на голову и силы в ней почти как в двух таких Амирах? Я глотаю слюну с металлическим привкусом, при очередном ударе пытаюсь отвернуться, но Фарида бьет меня с другой стороны. Я едва успеваю всосать лопнувшую нижнюю губу, чтобы ей не досталось еще больше. Стены вокруг меня крутятся, пол уходит из-под ног, и я ослабеваю еще сильнее. Сознание путается, а потому я даже не успеваю понять, когда Фарида бросает меня на пол и уходит из темного угла. А я сворачиваюсь клубочком, прижимаясь щекой

к холодному мрамору, чтобы хоть немного остудить пылающее от пощечин лицо.

Прихожу в себя, слыша взволнованные голоса в коридоре.

– Я повсюду ищу ее. – Это Хая. Услышав голос, я тихо стону, пытаюсь позвать ее, но губы так распухли, что я едва ими шевелю.

– Так найди сейчас же! Господин сказал, чтобы была именно она! – Строгий голос Лутфии разрезает холодное пространство, и я замолкаю, чтобы не привлечь к себе ее внимания.

– О, Аллах, я же сказала, что ищу! – раздраженно отвечает Хая, а потом до меня доносится звук удаляющихся тяжелых шагов Лутфии и бубнеж Хаи: – И куда могла подеваться эта девчонка?

– Хая! – тихо и хрипло зову я, а потом собираю остатки сил и, напрягшись, зову громче: —Хая!

– Амира! Ты где?! – По голосу понимаю, что она злится, но пусть лучше так, чем она не найдет меня. – Отзовись!

– Я зд... – Прокашливаюсь. – Здесь!

Через пару секунд я вижу, как из-за поворота выбегает Хая. Она ахает и присаживается возле меня.

– О, Всевышний! Кто это сделал с тобой?

Я не знаю, что ей ответить, потому что еще не до конца изучила порядки в гареме. Если скажу, остальные служанки будут подстерегать меня за каждым углом и бить? А если не скажу – Фарида продолжит надо мной издеваться? И что

ей будет, если я пожалуюсь? Не могу сейчас анализировать, очень болит голова.

– Не знаю, – стону я. – Не помню.

– Ох, несчастная. Ну что ж за судьба у тебя такая? – причитает Хая, пытаясь поднять меня. – Сама дойдешь до комнаты? Или позвать кого, чтобы отнесли?

– Дойду. Ты мне только помоги встать.

Под причитания Хаи и с ее помощью с третьего раза мне удается встать. Схватившись за гладкую стену, я, пошатываясь, двигаюсь к комнате прислуги, с другой стороны меня поддерживает Хая. Мы преодолеваем короткое расстояние за время, кажущееся часами. Наконец я опускаюсь на свой матрас и облегченно выдыхаю. А дальше вокруг меня начинается суета: из ниоткуда появляются Лутфия и врач. Пока последняя меня осматривает, распорядительница гарема пытается выяснить, кто меня избил. Я кошусь на толпящихся неподалеку служанок, но Фариды там нет, и это хорошо. Не уверена, что сейчас я смогла бы спокойно смотреть на нее. Мне кажется, я бы сразу указала на нее пальцем. Лутфию ждет та же версия, какую я высказала Хае: не помню. Врач подтверждает, что я несколько раз сильно ударила головой – точнее, меня ударили, – а потому временная потеря памяти вполне допустима, потому что я могла потерять сознание еще после первого удара. Потом прибегают слуга с мужской половины, вызывает Лутфию из комнаты и, когда она выходит, дышать становится немного легче. Под пронзительным

взглядом распорядительницы мне сложнее врать.

– Девочка, надо вспомнить, – ласково говорит Хая, когда под мое шипение врач обрабатывает ранки. – В гареме не должно быть жестокости, с ней нужно бороться. Вы все здесь должны быть как сестры.

Я легонько качаю головой, давая понять, что не помню. Ну не успела я еще обдумать последствия того, что я сдам Фариду. А вдруг с ней сделают нечто настолько ужасное, несоизмеримое с моими побоями, что я за всю жизнь не смогу простить себя? Немного позже, когда меня оставят в покое, я смогу подумать и оценить обстановку, чтобы определиться, что делать и говорить дальше.

К счастью, Хаю от меня отвлекает Лутфия, которая подходит и начинает что-то со злостью шептать ей. Хая кивает и смотрит на меня.

– Поняла. Но что теперь делать?

– Я не знаю! Что хочешь! Иди к Валиду и сама объясняй! – шипит она, уже практически не сдерживаясь.

С этими словами распорядительница покидает комнату, прикрикнув на девушек, чтобы отправлялись заниматься работой, а Хая присаживается возле меня. Врач складывает свой портативный чемоданчик и выпрямляется.

– Я оставила на тумбочке заживляющую мазь. Смазывай все ранки утром и вечером. Для синяков вот эта. – Она показывает на небольшую баночку. – Раз в день утром будет достаточно. Через несколько дней все должно уже быть в нор-

ме. Сотрясения нет, как и глубоких ран, требующих, чтобы их зашивать. Так что скоро ты поправишься. Сегодня лучше отлежаться и при малейших признаках отклонений – тошнота, рвота, головокружения – зовите меня, проверим.

– Спасибо, – негромко произношу я, а врач, кивнув, разворачивается и выходит из гарема. За ней комнату наконец покидают и служанки, на которых Хае приходится прикрикнуть. Наконец здесь наступает блаженная тишина, и я прикрываю глаза. Хая гладит меня по руке.

– Ох, Амира, тяжелый у тебя путь, девочка.

– Я сегодня читала книгу, пока господин спал. Там история именитых торговых марок.

– Не для тебя такая литература, – недовольно бурчит Хая.

– Знаю, но очень хотелось почитать то, что читают мужчины.

Хая цокает языком, а я представляю себе, как она в свойственной ей манере качает головой, и очень отчетливо это вижу, даже не открывая глаз.

– И что там было?

– Тебе тоже интересно? – с легкой улыбкой спрашиваю я. Нормально улыбнуться пока не могу, потому что губы от натяжения снова начинают саднить и пульсировать.

– Ты же не просто так завела этот разговор.

– Одна из первых фраз в этой книге гласила: «История самых знаменитых торговых марок начиналась с, казалось бы, непреодолимых трудностей. Их владельцы терпели пораже-

ния, банкротились, но раз за разом поднимались, чтобы выстроить свои многомиллионные империи».

Хая фыркает.

– И какое это отношение имеет к тебе?

– Я тоже поднимусь, Хая, чтобы стать сильнее. Вот посмотришь: я стану сильнее каждой из девушек в этом гареме.

Я открываю глаза, и в этот момент она как раз красноречиво закатывает глаза.

– Зря ты мне не веришь. Я стану матерью детей господина Заида.

– Ш-ш-ш, думай, что говоришь, – нахмурившись, рычит она на меня. – Наш господин не может иметь детей.

– Это потому что он пытается завести их не со мной.

– Пф, самоуверенная, глупая девчонка. Ты хоть господину такого не говори. Ладно, отдыхай, а мне надо идти к Валиду, тушить пожар, который ты разожгла.

Хая пытается встать, но я перехватываю ее за руку.

– О чем ты?

Она наклоняется ко мне и шепчет:

– После визита врача господину принесли обед. Фарида принесла. Он потребовал, чтобы после обеда ты пришла и почитала ему. Почитала, Амира? Это твоя была идея?

– Моя. А как еще я могла развлечь его?

– Значит, с памятью у тебя все в порядке. Кто избил тебя?

Я поджимаю губы, несмотря на нестерпимую боль.

– Амира, мне ты можешь сказать. Почему молчишь?

– Что с ней сделают?

– Если узнает Валид, то, скорее всего, выгонят.

– И куда она пойдет?

– Все зависит от того, о ком мы говорим. Если у девушки есть семья, ее отвезут к семье. Если нет, – она пожимает плечами, – тогда не знаю. Говори, Амира. Я должна знать, кто в гареме представляет угрозу. Сегодня она побила тебя, а завтра, чувствуя свою безнаказанность, убьет кого-нибудь.

– Пообещай, что пока никому ничего не скажешь.

– Амира...

– Обещай, иначе это последнее, о чем я тебе расскажу.

– Это не тебе решать, – строго отвечает Хая, и я напоминаю себе, что с ней мне нужно дружить. Лебезить, если понадобится. Ведь если я что и поняла за это время в гареме, здесь выживает сильнейшая и самая хитрая. Остальные просто существуют на содержании господина.

– Фарида, – наконец даю ей информацию, которую она требует.

Я вижу, как глаза Хаи увеличиваются, а рот приоткрывается, формируя удивленное «о».

– Она уже три года в гареме и никогда не была замечена за жестоким поведением.

Я легонько пожимаю плечом.

– Видимо, я особенная.

Я могла бы горько усмехнуться, и внутри так и делаю, но снаружи слишком сильно саднят губы.

Хая задумчиво смотрит в сторону.

– Ладно, подумаем, что с этим делать. А за что хоть была?

– За то, что меня вместо нее отправили к господину.

– Теперь молись, чтобы Фарида не побежала к распорядительнице со своей версией произошедшего, иначе это был первый и последний раз, когда ты попала в комнату господина. Подумаем, что можно сделать. Надо будет, наверное, по-тихому убрать ее из гарема, а в этом нам поможет только один человек – Шуджа.

– А Валид? – тихо спрашиваю я.

– Ты что? Валид как раз устроит показательную порку.

– В прямом смысле?

– В самом, что ни на есть, прямом. Он требует покоя и порядка в гареме. И если они нарушаются, он жестоко наказывает.

– Может, она заслуживает порки.

– Если ты так считаешь, то я могу пересказать эту историю Валиду.

– Нет. Пока не надо. Я немного подумаю, ладно?

– Пф, подумает она. Спускайся на землю, Амира, здесь есть кому за тебя думать. Ты давай поправляйся, работы много. Я пошла к Валиду объяснять, почему господин не может получить девушку, которую снова требует в свои покои. Слишком много забот появилось, когда ты пришла в гарем, – грозно произносит Хая и, развернувшись, уходит.

Я киваю и легонько улыбаюсь, когда она скрывается за

тонкой занавеской. Прикрываю глаза и внутри себя ликую. Не знаю, по какой причине, но господин требует именно моего присутствия в своих покоях. Я могла бы сейчас подняться и предстать перед ним в том виде, в котором я есть. И пускай бы обрушил небо на голову Фарида. Но шестое чувство подсказывает, что мне нельзя торопиться с возмездием. Каким-то образом я знаю, что наша с ней тайна еще послужит мне на благо. И я точно уверена, что Хая будет хранить этот секрет. Понятия не имею, откуда у меня такая уверенность в постороннем человеке, но, думаю, как бы Хая скептически не относилась к моим заявлениям о моем будущем успехе у господина, все же, видимо, чувствует, что я не просто так появилась в гареме. Я здесь для того, чтобы перевернуть все заведенные здесь порядки. И начну я с того, что как только почувствую себя лучше, тут же появлюсь в комнате хозяина дома.

Глава 8

– Ну куда ты собралась? – ругается Хая, пока я пристегиваю шелу, прикрывая свое изуродованное лицо.

– Он звал меня.

– С чего ты взяла?

– Слышала, как утром Лутфия сказала это тебе.

– Подслушиваешь? Выпороть бы тебя.

– Хая, – я поворачиваюсь к ней лицом и произношу умоляющим тоном, – я должна быть у него в комнате, иначе он забудет меня.

Она вздыхает.

– Что сказал вчера Валид? И что ты сказала ему? – спрашиваю.

– Тебе какая разница? Ты не много о себе возомнила, «фаворитка»? – Она смотрит на меня со злостью.

– Прости, пожалуйста. – Покорно опускаю голову, а потом снова смотрю на Хаю. – Я знаю, что перегибаю иногда. Но пойми, мне важно знать все, что меня касается. Если я не стану фавориткой, то все зря.

– Что зря? – Она прищуривается.

– Я... должна стать фавориткой, – твержу упрямо. – Ты ведь знаешь, на каких условиях меня сюда прислали. Умоляю, расскажи, как прошел разговор с Валидом. Что ты ему сказала?

– Что ты себя неважно чувствуешь, – отвечает она нехотя.

– А сегодня?

– Я сегодня не виделась с ним, как и Лутфия. Послушай, может, не ходить к господину, пока не заживет лицо?

– Это дня три, не меньше. За это время он забудет мой голос.

Хая прищуривается.

– Ах ты маленькая... хитрая лиса. Ну хорошо. Но учти, если он увидит твои увечья и начнет выяснять, я лично выгоню тебя из гарема вместе с Фаридой. Нам здесь проблемы не нужны, поняла?

Я киваю.

– Поняла. Тогда я пошла?

Хая хмыкает, а потом машет рукой, чтобы я продвигалась на выход. Бросив еще один взгляд в зеркало и поправив шелу так, чтобы оставить только небольшую щелочку для глаз, я убеждаюсь, что ни одна из ранок не видна, и следую в комнату господина. На выходе нас встречает Лутфия, которая окидывает меня своим пронзительным взглядом.

– Как самочувствие, Амира?

– Хорошо, госпожа, спасибо, – покорно отвечаю я. Она одобрительно кивает. Вот так я и научусь располагать к себе людей в гареме. Главное, понять, кто тут какое положение занимает, и быть учливой с самыми важными людьми. Управлять ими я буду позже.

– Уверена, что сможешь целый день быть с господином?

– Да.

– Тебе может понадобится отдых.

– Тогда я найду повод удалиться.

Она прищуривается.

– Ну хорошо, – отвечает медленно. – Тогда иди, дальше посмотрим.

Я передвигаюсь настолько быстро, насколько могу. Знаю, что хозяин дома уже позавтракал, и у него был врач. Сейчас в его комнате одна из служанок и, к счастью, это не Фарида. Ее пока отправили ухаживать за простывшими фаворитками. Вообще странная какая-то эпидемия напала на гарем. Я, например, за всю жизнь простудой болела всего два раза, а тут людей косит прямо одного за другим.

Как только подхожу к двери, слуга открывает ее, впуская меня в прохладу спальни. Служанка, стоящая справа от двери, бросает на меня недобрый взгляд. Значит, он не просил ее читать вслух. Этот факт поднимает мне настроение.

– Доброе утро, господин, – здороваюсь, подходя к кровати.

– Доброе, Амира. Как себя чувствуешь?

– Спасибо, уже лучше. А вы?

Он усмехается, всматриваясь в меня прищуренными глазами.

– Скоро буду совсем здоров. Свободна! – произносит он, повернувшись к девушке у двери. – Почитаешь мне?

– С удовольствием, господин. – Я киваю и подхожу к шка-

фу, чтобы взять ту же книгу и продолжить с места, на котором остановилась.

Пока иду к окну, господин Заид окликает меня.

– Амира, в прошлый раз ты читала книгу, которую девушке читать не подобает.

– Простите меня, – лепечу таким голосом, словно раскаиваюсь, хоть это совсем не так. Ох, и покарает меня Всевышний за мою ложь.

Господин усмехается.

– Не думал, что служанке может быть интересна такая литература. Но читай, раз так. Возможно, мы даже обсудим с тобой то, что там написано. Если, конечно, содержание этой книги для тебя не простой набор букв.

Я могла бы оскорбиться из-за сомнений в моих умственных способностях, но не то время и не тот человек. «Покорность и смирение», вспоминаю слова мамы, чтобы унять желание доказать, что мне подвластно многое.

Усаживаюсь у окна и начинаю читать. И все происходит так, как и в прошлый раз. Примерно через полчаса господин Заид засыпает, а я переключаюсь на книгу о бизнесе. Другая служанка приносит кувшин джалляба* и два стакана. Ставит все это на столик неподалеку от кровати и тихо удаляется. А я продолжаю читать, пока муэдзин не призывает к обеденной молитве, и продолжаю до самого визита врача. Стоит ему войти, я снова, отвернувшись, встаю и пячусь к двери, но на этот раз меня останавливает голос хозяина дома:

– Амира, принеси обед на двоих. Как только доктор закончит осмотр, пообедаем.

– Да, господин, – безропотно соглашаюсь я и выскакиваю за дверь.

Вернувшись с подносом, полным еды, я вхожу в спальню и замираю на пороге. У окна стоит господин Заид и, слегка отодвинув штору, смотрит на улицу. Его внимание привлекает закрывшаяся за моей спиной дверь. Он бросает на меня взгляд, и я резко опускаю голову, потому что через тонкую ткань шелы он может увидеть мое побитое лицо. Подхожу к кровати.

– Вы будете обедать здесь?

– Нет, накрывай на стол, – отвечает он, но не сводя с меня взгляда.

Я прохожу к постаменту, радуясь, что тонкая полоска света от окна не охватывает это пространство, и хозяин не может рассмотреть меня. Как только все тарелки расставлены, он снова задергивает штору, заставляя меня облегченно выдохнуть, и устраивается на подушках за низким столом.

– Присаживайся.

– Мне нельзя с вами кушать.

– Садись, Амира, – строже командует он, и мне ничего не остается, кроме как расположиться напротив.

– Ты можешь открыть лицо, чтобы нормально поесть.

– Мне удобно, спасибо.

Я не решаюсь первой потянуться к блюдам, но, когда ви-

жу, что хозяин приступает к трапезе, и сама следуя его примеру. Конечно, без шелы было бы удобнее, но пока только так.

– Расскажи мне о себе, – говорит он.

– Я...

Не успеваю ответить на его вопрос, как в дверь стучат.

– Войди! – громыхает господин Заид.

Двери распахиваются, и на пороге появляется тот мужчина с тяжелым взглядом, который встречал нас по приезде. Я резко отвожу взгляд и, вскочив, отворачиваюсь от него.

– Амира, вернись на место, – командует хозяин, и я, толком не осознав, где мое место, пчусь к двери. – Сядь за стол. Ты куда собралась?

– Но я... я думала...

– Садись. Валид, проходи.

– Амира? – спрашивает тот, и у меня по позвоночнику стекает капля холодного пота.

– Да, – отвечает за меня хозяин. – А что тебя смущает?

– Ничего, показалось, что я услышал другое имя. Как ваше самочувствие?

– Уже лучше. Доктор делает возможное и даже невозможное для моего выздоровления, а Амира помогает скоротать время. Как ты?

– Спасибо, уже практически полностью здоров.

Он отвечает господину Заиду, но я чувствую на себе этот прожигающий взгляд.

– Ты по делу или справиться о моем здоровье?

– И то, и другое.

– Тогда после обеда зайди. Мы с Амирой поедим, а потом обсудим с тобой все вопросы.

– Хорошо. Приятного аппетита.

– Спасибо.

Я чувствую тяжесть взгляда Валида до того самого момента, пока за ним не закрываются двери, и только потом облегченно выдыхаю. А потом господин Заид начинает расспрашивать меня о порядках в гареме, забыв о том, что просил рассказать о себе. Я посвящаю его только в хорошее: рассказываю забавные истории о том, как одна из кухарок играет на кастрюлях, стуча по ним деревянными ложками, как дружно девушки занимаются уборкой в особняке, как наложницы ходят на занятия, а вечером обсуждают то, чему научились. Когда с обедом покончено, я собираю посуду на складной столик-поднос и выношу ее из спальни.

– Позовите Валида! – приказывает господин слуге, и тот кивает.

Как только отхожу от покоев, меня обгоняет слуга, а через минуту несется назад. Я поднимаю глаза и замедляюсь. Навстречу мне размашистым шагом двигается Валид. Опускаю голову и пытаюсь пройти мимо, но торможу, как только слышу тихое но твердое:

– Постой.

Мы оба остаемся стоять в коридоре, не поворачиваясь и

не глядя друг на друга. Не положено, даже несмотря на то, что я служанка. И диалог между нами очень тихий.

– Заид узнал тебя?

– Нет.

– Ты не сказала, кто ты?

– Нет.

– Почему?

– Потому что ему не нужно знать.

– Причина?

– Я его недостойна. Теперь.

– Правильно. Молчи и дальше. Как ты вчера к нему попала?

– Фарида не смогла.

– Ложь, – отрезает он, и я понимаю, что от этого мужчины ничего не скрыть.

Он станет либо моим союзником, либо врагом. И второй вариант мне совершенно не подходит. Такой влиятельный человек должен быть на моей стороне. Моя мама говорит, что женщина способна оказывать на мужчину очень большое влияние, но для этого она должна стать для него самой близкой. А в моей ситуации этого можно добиться только в случае, если я попаду в постель к господину. И до этого момента Валид – тот, кто может ограничить мое пребывание в спальне хозяина.

– Простите.

– В двух словах, Амира.

– Я сама напросилась.

– Для чего?

Ну что ему сказать? Что я все еще не теряю надежды? Что каждую ночь, ложась спать, я разрабатываю план, как добиться своего и наконец обрести положение, которого заслуживаю? Нет, правда ему не нужна. Точно не в этом случае.

– Хочу хотя бы так быть ему полезна, – выбираю наиболее безопасную версию.

Боковым зрением вижу, как Валид кивает.

– Не крутись слишком близко. Не приходи, если не зовут. И забудь обо всем, что планировала до своего приезда сюда. В постель господина тебе путь отрезан, – безапелляционно заявляет он и уходит.

Мне хочется рычать и топтать ногами. Почему-то я подумала, что, если скажу о своем желании быть полезной, он позволит мне и дальше проводить время с хозяином. И вообще, разве он решает, кто будет развлекать господина? Что ж, тогда остается только Шуджа. Хая сказала, что он не оказывает такого влияния на господина, как Валид, но, по крайней мере, это лучше, чем совсем не иметь союзников.

Я прибавляю шаг, пока еще горю этой идеей. Боюсь, что она может быстро поблекнуть, и я не решусь обсудить это с Хаей, а мне очень надо. Почему-то мне кажется, что это мой последний шанс. Быстро отдаю посуду на кухню и тороплюсь в гарем на поиски Хаи. Нахожу ее в одной из комнат для

фавориток, где девушки перемывают стены и окна.

– Вот тут пропустили! – ругается она. – Куда вы смотрите? Еще раз. От пола до потолка!

– Но Хая!

– Заставит вас всю ночь перемывать весь гарем, лентяйки! – заканчивает она за них, а потом замечает меня в дверях. – Ты что здесь делаешь?

– У господина Валид, он отпустил меня.

– На весь день?

– Не знаю.

– Ладно, – отзывается она своим деловым тоном. – Иди пока в гарем, сейчас найдем тебе работу.

– Хая, могу я вас позвать на два слова?

Она закатывает глаза, но, со злостью зыркнув на девушек, идет на выход из комнаты. Служанки, заинтересовавшиеся моим появлением, после этого взгляда продолжают мыть стены с особым рвением. Как только Хая выходит и прикрывает дверь, оставив небольшую щель, чтобы наблюдать за девушками, она обращает ко мне строгий взгляд. То ли зла на меня, то ли по инерции смотрит так после того, как отругала служанок.

– Что ты хочешь? – спрашивает нетерпеливо.

– Валид не станет моим союзником.

– Союзником? – шепчет она раздраженно. – Ты в своем уме, девочка? Обходи этого человека десятой дорогой. Он сотрет тебя в порошок, который развеет по пустыне, и сде-

лает так, что от тебя даже воспоминания не останется.

– Я думала, настолько страшен только господин Заид.

– Господин намного страшнее своих помощников, – Хая понижает голос и подается вперед. – Ты не смотри на то, что он может улыбаться и общаться с тобой практически на равных. Всегда помни о том, кто ты и кто он.

– Я могу пообщаться с Шуджой?

Хая закашливается.

– О, Аллах, ты смерти хочешь?

– Шуджа еще страшнее господина?

– Страшнее господина в этом доме нет никого.

– Тогда могу я с Шуджой пообщаться? – настаиваю, но моя уверенность понемногу тает. Вряд ли хозяин держит при себе мягкотелого помощника. А это значит, что Шуджа тоже страшен.

– Не можешь. Ты не можешь общаться ни с одним из них. И вообще, хватит пытаться плести интриги. Занимайся своими обязанностями. Иди бери чистую тряпку и помогай девушкам мыть комнату.

– Но если господин позовет меня...

– Когда позовет, тогда и пойдешь. А сейчас займись делом! – резко отрезает она и, развернувшись, уходит по коридору, оставляя меня смотреть ей вслед. Снова хочется топнуть ногой, только это не поможет. Теперь мне нужно думать, что делать дальше, учитывая, что, похоже, придется действовать в одиночку.

*Джалляб – прохладительный напиток

Глава 9

Вчера господин так и не позвал меня, и сегодня я все утро с замиранием сердца прислушиваюсь к шагам со стороны мужской половины в надежде, что за мной придут, чтобы позвать к хозяину. День близится к обеду, и мои надежды понемногу тают.

– Ну что ты трешь одну точку, Амира? – раздраженно произносит Назима.

Я снова убираю в комнате Аделы, пока она сама постанывает на кровати. Вокруг нее суетятся две служанки, исполняя каждый каприз, пока фаворитка притворяется смертельно больной. Все уже поняли, что кто-то принес вирус в особняк и щедро наградил им половину обитателей. Но не настолько все плохо. Если верить Хае, сегодня господин Заид с Валидом уже даже приступили к работе. Правда, пока в комнате хозяина, а не в кабинете, как обычно, но это уже прогресс. Наверное, он в моей компании больше не нуждается, и это расстраивает больше всего.

После того как ванная комната вымыта и продезинфицирована по требованию ее хозяйки, я приступаю к вытиранию пыли, когда дверь открывается, и на пороге появляется Хая. Я уже утратила надежду сегодня увидеться с господином, так что вяло здороваюсь с ней третий раз за день и продолжаю натирать глянцевые поверхности подоконников.

– Амира, бросай все. Забирай на кухне обед для господина Заида и бегом к нему.

Я резко поворачиваю голову, но сдерживаю широкую улыбку, потому что боюсь быть осмеянной за пустые ожидания. Но Хая кивает, хитро улыбаясь, и я несусь на выход, по дороге передав тряпку опешившей Назиме.

– А убирать кто будет? – спрашивает она.

– Ты и сама можешь закончить, – отвечает Хая, заставляя меня ликовать.

– Но я...

– Адела не нуждается в таком количестве служанок. Дайте ей отдохнуть, наседки, – отрезает Хая и выходит следом за мной в коридор.

Я уже собираюсь сорваться с места, но она тормозит меня, перехватив за локоть.

– Ты не сильно выпрыгивай из шальваров, девочка. То, что он тебя позвал, еще ни о чем не говорит. И лицо не забудь прикрыть, но перед этим замажь синяки, сильно проступают. Шелу надень темную, чтоб не так видно было.

На каждое ее распоряжение я утвердительно киваю.

– Хорошо.

– Все, давай быстренько, господин ждет свой обед.

В последний раз кивнув, я бегу на кухню и справляюсь, все ли готово. Пока кухарки заканчивают складывать блюда на поднос, я успеваю сбегать в комнату, чтобы кое-как замазать синяки и переодеть шелу. Наношу на стратегиче-

ски важные точки по капельке духов, а потом возвращаюсь на кухню, чтобы забрать обед. Иду по коридору, прикусив нижнюю губу, чтобы скрыть улыбку. Ее не видно под шепотом, но глаза наверняка светятся так, что каждый поймет, какое удовольствие мне доставляет то, что господин снова позвал меня. Хочется взвизгнуть или рассмеяться, но я держусь. Пока. Мама всегда учила, что девушка должна вести себя достойно. Но как можно сдерживать эмоции, когда они плещут через край? Того и гляди затопят не только меня, но и половину гарема. Ближе к комнате хозяина мне наконец удастся немного усмирить свое сумасшедшее сердце и принять более-менее спокойный и покорный вид. Ох, сколько мне еще предстоит научиться! Для начала подавлять эмоции, но это позже. Сейчас я счастливо вздыхаю, когда слуга открывает дверь, и делаю шаг вперед, но застываю, потому что из комнаты выходит Валид. Бросив на меня грозный тяжелый взгляд, он задерживается на мгновение и наконец уходит, позволяя мне сделать следующий вдох. Страшный такой, до мурашек по коже. Я легонько веду плечами, чтобы сбросить с себя неподъемный груз этого прожигающего взгляда, и, вернув себе хорошее настроение, вхожу в комнату господина.

Он стоит ко мне спиной, заложив назад руки, и смотрит в окно. К сожалению, сегодня в комнате светло, шторы раздвинуты, и по полу расходятся солнечные лучи. Я боюсь, что господин Заид сможет рассмотреть мое лицо при таком яр-

ком свете, и, если он начнет задавать вопросы, у меня могут начаться проблемы. Я-то промолчу, но он может вызвать Шуджу и Лутфию, чтобы выяснить, что со мной произошло. Мысленно закатываю глаза, потому что, кажется, я слишком много о себе возомнила. Вряд ли хозяин станет выяснять что-то о такой мелкой сошке, как я.

Медленно продвигаюсь вглубь комнаты, чтобы накрыть столик к обеду, а сама поглядываю на господина Заиду. Огромный, как гора. Непокоримая вершина, на которую я все же собираюсь забраться. Как только ставлю поднос на столик, он резко оборачивается, и я застываю, словно лань, пойманная светом фар. Господин подходит ближе и усаживается на подушки, не сводя с меня взгляда. Я думала, что у его помощника тяжелый взгляд? Он не идет ни в какое сравнение с этим. Давящий, прожигающий и... раздевающий. Он смотрит на меня так, будто я ему уже принадлежу. И, несмотря на все испытанные мной ранее ужасы, моя кровь не стынет в жилах. Наоборот, мне становится жарко.

– Амира, – негромко зовет он.

– Да, господин? – отзываюсь, а сама опускаю взгляд и сосредоточенно расставляю тарелки на столик.

– Посмотри на меня. – Я поднимаю взгляд и тут же опускаю. – Еще, – требует он.

В этот раз наш зрительный контакт длится дольше, и я плавлюсь под внимательным взглядом глаз черных, как ночь.

– Продолжай, – разрешает он, кивнув на столик, и я воз-

вращаюсь к своему занятию. Закончив, убираю поднос на пол. – Садись, пообедаем.

Я не пытаюсь спорить или объяснять что-то о разнице между нами. Если мужчина сказал, что мы будем обедать вместе, я не стану сопротивляться. Тем более, мне это на руку. Он приближает меня к себе. Не могу сказать, что ставит на одну ступень с собой, но расстояние между нами сейчас не настолько большое, как было еще пару дней назад.

– Почему ты не в гареме? – спрашивает он, когда мы приступаем к еде.

– Не положено, господин, – отвечаю я.

Он слегка прищуривается, но никак не комментирует мои слова. Хотя я, откровенно говоря, ждала, что последуют вопросы. И даже приготовила ответы.

– Расскажи любую историю из детства, – просит он, чем немало меня удивляет.

Я прочищаю горло и начинаю:

– Моя мама – настоящая мама – работала швеей. Однажды я осталась дома с папой, пока она была на работе. В обед мы принесли ей покушать, и, пока родители разговаривали, я увидела самую красивую на свете гандуру. Это был невероятный наряд: расшитый золотыми нитями, темно-синего цвета из нежнейшего шелка. – Я улыбаюсь, вспоминая тот эпизод. – Я потерла ткань между пальцами, понюхала ее и вдруг решила, что моей кукле непременно нужно платье из такой ткани. Я взяла ножницы и двинулась через всю комна-

ту, чтобы отрезать кусок. К счастью, папа вовремя это заметил и забрал ножницы в тот момент, когда я, едва удерживая их, коснулась ткани. А ножницы у швей тяжелые, железные, не каждый шестилетний ребенок удержит.

– Ты в шесть шила платья своим куклам? – усмехнувшись, спрашивает господин.

– Не скажу, что прямо шила, но пыталась. Я ведь, можно сказать, родилась в ателье. С самого моего рождения мама брала меня на работу, пока я не пошла в детский сад.

– Где твои родители сейчас?

Улыбка медленно сползает с моего лица.

– Погибли.

– Мне жаль.

– Спасибо.

– Как это случилось?

– Откровенно говоря, я не знаю всех нюансов. У меня тогда были каникулы, и я гостила у тети с дядей. О смерти родителей узнала уже по факту. Говорят, газовый баллон в доме взорвался.

– Но ты в эту версию не веришь.

– У нас в доме не было газа, – выдавливаю из себя сиплым голосом.

Заид хмурится и коротко кивает.

– Полиция расследовала это дело?

Я легонько пожимаю плечами.

– Мне было всего двенадцать. Что я понимала в том воз-

расте?

Заид еще несколько секунд сверлит меня глазами, а потом продолжает есть, но через какое-то время резко поднимает взгляд.

– Сними шелу.

– Господин...

– Сними. Шелу. Амира, – резко и безапелляционно приказывает он.

Трясущимися пальцами медленно отстегиваю ткань и отпускаю ее, позволяя свободно опасть справа от моего лица. Господин рассматривает меня, прищурившись.

– Мать не научила тебя опускать взгляд, когда мужчина смотрит? – резко спрашивает он.

Мои щеки заливают румянец, и я тут же опускаю взгляд на столик передо мной.

– Простите, господин, – лепечу. Вот сейчас я в полной мере ощущаю мощь этого мужчины. Хая была права, хозяин умеет расположить к себе, но при этом невозможно не чувствовать его силу и не испытывать страх в его присутствии.

– Кто избил тебя? – спрашивает господин. Я, не задумываясь, поднимаю взгляд, а потом резко опускаю.

– Это недоразумение.

– Недоразумение – это то, что ты покрываешь жестокость в моем гареме. Имя, Амира.

Я мысленно мечусь в попытке что-то придумать, но в голове, как назло, пусто. От страха вся моя находчивость ку-

да-то испарилась.

– Ну же! – давит на меня хозяин, и я не могу придумать ничего лучше, чем зажать рот и резко подскочить на ноги, имитируя рвотные позывы.

Лицо господина Заида кривится, но он продолжает хмуро сверлить меня своими темными глазами.

– Простите! – выпаливаю я и вылетаю из комнаты.

Несусь через коридор напрямик к гарему. Мечусь из комнаты в комнату в поисках Хаи. Сердце срывается в галоп, и меня накрывает паника. Он ведь может заставить меня произнести имя, и, я уверена, это приведет к какой-нибудь катастрофе. Не найдя Хаю в гареме, добегаю до кухни, едва не поскользнувшись на повороте и не столкнувшись в проходе с одним из работников. Быстро извинившись, я влетаю в пропахшее специями помещение и, обшарив его взглядом, сталкиваюсь взглядом с Хаей. Она тут же понимает все без слов и, бросив повару пару слов, торопится ко мне. Подхватывает под локоть и выводит в коридор.

– Что случилось? Ты словно от пожара бежала.

– Практически, – задыхаясь, отвечаю я. – Господин видел мое лицо. Теперь он требует выдать ту, которая меня побила.

Я с ужасом смотрю на нее в ожидании ответа. Каждая из нас понимает, что Фариду ждут страшные последствия за содеянное. И пусть не мне судить ее, потому что сама делаю все возможное и невозможное, чтобы попасть в покои хозяина, но, как и всякий нормальный человек, злюсь на нее и даже,

наверное, ненавижу. Хотя точно не желаю ей той участи, которую ей может сулить господин. С другой стороны, я понимаю: или она, или я. Кто-то все равно понесет наказание.

Глава 10

Я сжимаюсь под тяжелым взглядом Лutfии. Хая привела меня к ней в комнату, и теперь я стою перед ними, словно провинившийся ребенок, вжав голову в плечи.

– Имя, Амира, – строго повторяет Лutfия уже в который раз.

Я бросаю умоляющий взгляд на Хаю, но она только кивает.

– Называй, – холодным тоном говорит она.

– Фарида, – выдавливаю из себя.

Лutfия делает шаг ко мне, а я борюсь с желанием отступить.

– Посмотри на меня, – приказывает она, и наши взгляды встречаются. – С какой целью покрывала ее?

– Я не...

– Не лги мне! – прикрикивает Лutfия, а потом смотрит на Хаю. – Я говорила тебе, что от нее будут одни проблемы. Надо было выкинуть ее еще в момент, когда была такая возможность. Но я послушала тебя и теперь сильно сожалею.

Внезапно в дверь коротко дважды стучат, а потом она открывается, и я слышу тяжелые шаги за спиной. Мне страшно обернуться. Если это Валид или господин Заид, сейчас меня настигнет ужасная участь.

– Что здесь происходит? – громыхает незнакомый муж-

ской голос. – Лутфия!

– Шуджа, – побледнев, тихо произносит Лутфия. – Тут...
Я не знала, что ты вернулся.

Я слышу, как мужчина обходит и наконец становится передо мной. Я боюсь посмотреть на него, хоть и чувствую на себе прожигающий взгляд.

– Вот она – причина всех бед в гареме, – растягивая слова, произносит он. – Сними шелу.

Трясущимися пальцами я отстегиваю ткань, и она, зашуршав, падает вдоль моего лица. Почему-то у меня даже не возникает мысли поспорить с Шуджой. Он цыкает.

– Посмотри на меня, – приказывает мужчина, и я наконец перевожу на него взгляд. Мои глаза расширяются. Если господин и Валид выглядят устрашающе, но в целом цивилизованно, то этот мужчина похож на жестокого мародера, разбойника с большой дороги. Такой убьет, и глазом не моргнет. Не даром я его боялась. Его загоревшее обветренное лицо по диагонали пересекает шрам, который немного искажает черты. На нем черная одежда, такого же цвета гутра, концы которой заткнуты под воротник дишдаши. Вообще он выглядит так, словно только приехал из пустыни. – Не успеваю вернуться, как получаю весть о том, что у нас в гареме изнасилованная девка, из-за которой были нарушены порядки.

– Я не девка!

Выпалив это, я осознаю, насколько смелым было мое замечание, и даже примерно понимаю, какое меня ждет на-

казание за эту вольность. Я опускаю взгляд в пол и пытаюсь проанализировать недавние слова Хая о том, что Шуджа страшен, Валид еще страшнее, а господин Заид страшнее их обоих. Хотя внешне хозяин особняка выглядит самым цивилизованным и спокойным из них.

Глаза Шуджи сужаются и теперь режут меня, словно лазером.

– Убрать из гарема, – сухо приказывает он. Хая с Лутфией испуганно переглядываются.

– Но она не в гареме, Шуджа, – тихо произносит Хая.

– Лутфия, не заставляй меня повторять, – так же жестко произносит он.

Хая подхватывает меня под локоть и тащит на выход.

– Пойдите! Меня отец отдал господину Заиду! Я... – пытаюсь спорить, но взгляд мужчины остается равнодушным и в то же время грозным.

– Мы в курсе твоей ситуации. Уводи, Хая, – спокойно произносит Шуджа. – Лутфия, кто ее так разукрасил? – Его вопрос – это последнее, что я слышу перед тем, как за нами с Хаяй закрывается дверь.

Я пытаюсь вырваться, плачу, упрасиваю Хаю оставить меня, но она непреклонно тащит меня в комнату прислуги. Как только мы входим, она закрывает за нами дверь и наконец отпускает меня. Сама обходит все помещение, проверяя, нет ли кого-то здесь. Убедившись, что мы одни, снова подходит ко мне и встряхивает за плечи.

– Тебе было сказано оставаться тенью! – рывкает она на меня. – Шуджа теперь обрушит небо на мою голову за то, что я тебе потакала!

– Хая, прошу! Умоляю, не выгоняй! Куда же я пойду? Пусть меня хотя бы домой отвезут! Или позволь позвонить отцу, он заберет меня!

– Некому забирать, – севшим голосом отвечает она.

– Что?

Я смотрю на нее расширившимися глазами.

– Твои родители мертвы.

– Нет, ты не поняла. – Я медленно качаю головой. – Я про своих тетю и дядю. Мои настоящие родители мертвы, биологические. Но те, которые меня воспита...

– Мертвы! – отрезает Хая, и у меня под ногами начинает качаться пол.

– Что? – сипло выдавливаю из себя. – Откуда ты?.. Кто?..

– Их убили, Амира.

Я оседаю на пол, потому что ноги совсем не держат. Осознания нет, как и веры в то, что моих родителей кто-то мог убить, но тело уже реагирует на эти вести. Это из-за меня? Я слышала, как Лутфия говорила Хае, что Валид разозлился, узнав о моем изнасиловании, потому что его можно было избежать, если бы папа выполнил обещание привести меня лично, данное Заиду. Так это Заид, получается, убил их? Выходит, папа хотел как лучше, а в итоге пострадал из-за меня? Я вцепляюсь в подол абаи так сильно, что ткань под по-

белевшими пальцами начинает трещать, и вою. Так громко и так сильно, насколько хватает дыхания и голоса. Из глаз совсем не бегут слезы, но голос... Мне кажется, я реву, словно раненный зверь. Мир вокруг кружится, трясется и гремит. Я чувствую на себе руки, слышу пытающиеся заткнуть меня голоса, кто-то произносит слова успокоения, но я не могу прийти в себя. Я как будто нырнула на глубину, где нет доступа ни кислороду, ни звукам. Они доносятся до меня приглушенным шумом, который булькает в моих ушах, но не несет в себе никакой информации. Я лишь чувствую, как адская боль разрывает грудную клетку и голову, которая, кажется, готова взорваться. Вою и вою, пока меня не покидают силы. Потом я просто проваливаюсь в тяжелый сон без сновидений.

Открываю глаза и оступело пялюсь в потолок. Вокруг меня тишина и темнота. Мне наплевать, где я и что дальше со мной будет. Вот теперь, когда потеряла последних близких людей, моя судьба совершенно не имеет значения. Я принимаю смерть родителей. До меня постепенно начинает доходить, что все это не страшный сон, а моя ужасающая реальность. По вискам стекают слезы, но я не всхлипываю и даже не рыдаю. Отчаяние, охватившее меня в первые мгновения после получения новости о смерти родителей, тоже забилось куда-то глубоко внутри. Я точно знаю, что еще не раз буду переживать это чувство. Уверена, еще не одна истерика случится со мной, когда буду вспоминать своих близких. Но

сейчас... Организм как будто пытается заместить это чувство другими, на мой взгляд, более продуктивными. Например, ненавистью. К Заиду, Валиду, Шудже, Малиху и всему этому проклятому дому. И желанием отомстить. Каждому из них. С особой жестокостью. Все те часы, что я сверлю взглядом темный потолок, в голове крутятся мысли о том, какие чувства я буду испытывать, когда каждый из них будет умирать по моей воле. Слезы высыхают, боль притупляется, решимость крепнет. Я прихожу к выводу, что могу выжить, только если буду избавляться от врагов и стремиться к своей цели. На этом свете больше нет ни одного человека, который может защитить меня, поэтому я сама должна позаботиться о себе. И самый верный способ добиться этого результата – лечь в постель к мужчине, по чьему приказу была убита моя семья. И пускай у меня нет доказательств, но я также знаю, что у отца не было врагов, а Заид вполне мог отомстить ему за то, что я доехала не невинной. Но ведь он в этом не виноват! Думаю, мне просто нужно кого-то ненавидеть, чтобы не сойти с ума.

Теперь я не служанка. С этих пор я становлюсь пленницей тирана, который не погнушался лишить жизни людей только за то, что его проводник надругался над их дочкой. Мне больше некуда идти, поэтому я останусь, запертая в этих четырех роскошных стенах, чтобы вершить правосудие. Я убью каждого из причастных к этому, но сначала мне нужно найти в себе силы сыграть эту роль до конца. Только после этого

я могу обрести покой и свободу.

Утро наступает слишком быстро, я даже не успеваю до конца продумать свой план и еще раз пережить горе. Дверь в комнату открывается, и по шагам я узнаю Хаю. Надо же, как за два месяца я научилась их различать.

– Давно проснулась? – спрашивает она, – ставя рядом с кроватью поднос.

– Давно, – отвечаю бесцветным хриплым голосом.

Хая присаживается на край кровати и гладит мою руку. Я едва сдерживаюсь, чтобы не одернуть ее, словно рискую обжечься. Теперь каждый, кто живет в этом доме, – мой враг. И я отомщу им, только пока они должны послужить инструментом в моих руках. И Хая станет моим самым верным союзником. Как же тяжело пересилить себя и не высказать все в лицо. Я не привыкла к этим закулисным играм, у нас в доме все строилось на честности и открытости. Но иногда обстоятельства вынуждают людей становиться теми, кем они не являются. Похоже, пришел и мой черед повзрослеть. Жаль только, что это случилось слишком быстро. Я не хотела, чтобы мое сердце начало покрываться толстой коркой в столь раннем возрасте, но мне не оставили выхода.

Я накрываю ладонь Хаи своей и немного сжимаю ее.

– Спасибо, – произношу шепотом.

– За что? – удивляется она.

– За то, что поддерживаешь меня.

Хая заносит вторую руку и убирает с моего лба прядь во-

лос. Прикасается практически невесомо.

– Я потеряла свою семью, когда мне было десять. Отец господина Заида забрал меня к себе в дом и позволил служанкам воспитывать меня и учить всему. Потом, когда господин повзрослел и построил свой дом, он забрал меня к себе помощницей распорядительницы гарема. Я знаю, что значит лишиться семьи, Амира. Знаю, насколько важна поддержка в такой момент, и понимание, что ты не одна на целом свете. Я буду рядом.

– Спасибо, – повторяю я.

– Давай, девочка, нужно поесть.

– Я не голодна.

– Хотя бы кофе выпей и съешь что-нибудь из фруктов. Айла передала из кухни инжир и бананы. Сказала, тебе будет полезно.

– Ничего не хочу.

– Не упрямясья.

– Что со мной дальше будет, Хая? – спрашиваю я, садясь, когда она протягивает мне чашку кофе.

– Пока не знаю, – со вздохом отвечает она. – Но Лутфия уговорила Шуджу пока оставить тебя в качестве служанки. По крайней мере, до того момента, пока ты не найдешь, куда идти, или Валид не найдет тебе мужа.

– Мужа? – Я прочищаю горло. – Не хочу мужа. Я хочу остаться здесь.

Хая кивает.

– Я прекрасно понимаю, но не знаю пока, как будет дальше. Инас просилась тебя проведать.

Я качаю головой.

– Не хочу пока никого видеть.

– Ладно, выздоравливай. Только знай: вход в покои господина тебе теперь заказан. Даже появляться рядом с ними не смей, – строго наказывает она. – Если покажешься ему на глаза, боюсь, беды не миновать.

Хая встает и идет к двери.

– Хая! – зову, и она оборачивается. – А что с Фаридой?

– Точно хочешь знать?

Киваю, хоть во мне нет ни грамма уверенности.

– Ее выгнали.

– Ну, это не самое страшное, – выдыхаю я.

Хая открывает рот, чтобы что-то еще сказать, но, пару секунд подумав, видимо, меняет свое решение и, кивнув, выходит за дверь.

Я отставляю кофе на поднос, падаю на спину и, повернувшись набок, закусываю уголок подушки. Меня снова накрывают отчаяние и боль. Я опять вою и рыдаю, пока не выбиваюсь из сил и не засыпаю.

Глава 11

Сколько боли может выдержать юное сердце? А сколько ненависти в себя вместить? Оказывается, этот орган легко растягивается под напором все нарастающей волны чувств. Они складываются в абстрактные узоры, подобные тем, которые можно увидеть в калейдоскопе, меняются, преломляются под действием света, составляя совсем новый рисунок. Примерно так я существую следующие несколько дней и за это время проживаю все стадии горя от смерти родителей. Долго не могу поверить в случившееся и прошу Хаю уточнить информацию, но, к сожалению, она ее подтверждает. Я торгуюсь, отрицаю и борюсь с собственным мозгом, чтобы не умереть от осознания того, что теперь у меня никого не осталось в целом мире. И в итоге наконец смиряюсь. Все страхи и нерешительность отходят на задний план. Видимо, горе что-то переключает внутри человека, потому что я вмиг лишаюсь наивности, как и веры в доброе и светлое. Превращаюсь в бесчувственную куклу, которая видит перед собой лишь цель, которой должна достигнуть. Не знаю, как устроено мое мышление, но я вдруг с удивлением открываю в себе коварство и жестокость. Это те чувства, которые станут моими проводниками. Именно они не дали мне умереть от разрыва сердца в эти темные дни.

Я надеваю платье цвета пыльной розы, с сожалением по-

глядывая на белый наряд. Время траура закончилось, но я бы с радостью и дальше носила этот цвет. Наверное, всю оставшуюся жизнь, как напоминание о моей великой утрате.

Зацепив шелу, я подхожу к шкатулке и открываю ее. На красном бархате лежат несколько одинаковых бутылочек с одними и теми же духами. Впервые отец заказал их на мое четырнадцатилетие. Над изготовлением работал один из самых знаменитых парфюмеров страны. Это эксклюзивный аромат, права на использование которого выкупил мой дядя. Сказал, что это стоило ему сущие копейки, но я в это не верю. Так дядя показывал мне свою любовь. Он не умел говорить о своих чувствах, но выражал их подарками и вниманием, и сейчас я особенно сильно ценю каждый из прожитых нами моментов. Наношу духи на сгиб локтя и на шею. Подношу руку к лицу и, прикрыв глаза, вдыхаю. Нежный, тонкий аромат со свежими нотками. Такой изысканный и легкий, словно не человек его создавал, а сама природа соткала из морского бриза и фруктов. Закупориваю флакон и прячу его за манжету платья. Сегодня духи станут моим секретным оружием.

Закрыв шкатулку, я обвожу комнату тоскливым взглядом. Вечером мне придется вернуться уже в общую. Ужасно не хочется, но таковы порядки: жить в отдельной позволено только фавориткам господина, а я даже не являюсь частью гарема.

Перенеся свои вещи на прежнее место, я поправляю свою

постель и подвязываю тюль между моим и соседним матрасом. Единственные детали, которые дают хоть какое-то ощущение одиночества в общей комнате, – это тюль и низкая резная перегородка между спальными местами. Вздыхаю. Мне нужно быстрее воплощать в жизнь свои планы, иначе я рискую так и остаться в одной комнате с другими служанками.

Забрав ведро с тряпками и щетками, я направляюсь в мужскую половину дома. Сегодня господин со своими помощниками уехали на несколько дней, и Лутфия организовала генеральную уборку в этой части особняка. Так что теперь все слуги усердно натирают стены, потолки и полы. Я прохожу мимо девушек, которые заливисто смеются, обсуждая каких-то торговцев и работников кухни, сворачиваю в узкий коридор, ведущий к кабинету господина, и останавливаюсь у двери. У меня будет всего несколько коротких минут, пока кто-нибудь заметит мое отсутствие, так что пора поторопиться. Решительно вхожу и прикрываю за собой дверь. Кружусь, осматриваясь. Кабинет чем-то похож на дядин. Две противоположные стены, заставленные полками с книгами, в глубине добротный деревянный стол с большим кожаным креслом, с правой стороны еще одно, но для чтения, и над ним нависает точно такой же торшер, какой стоит в комнате господина Заида. По другую сторону стола стоят еще два кожаных кресла, но попроще. На столе нет ничего. Совсем. И это странно. У дяди стояла фотография со всеми

членами нашей небольшой семьи, включая моих родителей. На другой была вся семья дяди. Там же стояли песочные часы ручной работы, тяжелое пресс-папье и подставка для ручек и бумаги для записей. Этот же кабинет кажется каким-то неживым. Словно музей, куда заходят только поглазеть и вытереть пыль, но я точно знаю, что Заид работает здесь, потому что много раз об этом слышала.

Одергиваю себя, заставляя поторапливаться, потому что это не единственное помещение, где я должна сегодня побывать. Достаяю из рукава свое секретное оружие и прохожусь взглядом по комнате – ни одной личной вещи господина. Что ж, придется действовать наугад. Подхожу к креслу и брызгаю духами на выступающий подголовник. Потом – к шторе, и на нее тоже попадает несколько капель. Насколько я знаю, в кабинете и спальне господина убрали в первую очередь, а значит, кресло уже вытирали и шторы сменили, так что запах должен остаться. Подхватив ведро, я выбегаю в коридор. Осматриваюсь, убеждаясь, что здесь никого нет, а потом бегу в хозяйскую спальню. Обстановка здесь мне знакома, так что осуществление задуманного не занимает много времени. По одному «пшику» на соседнюю подушку, штору и полотенце в ванной. На кожаное кресло для чтения и на подушки на постаменте. Я лишь на секунду задумываюсь, не перегнула ли, а потом решаю, что нет. Хочу, чтобы мой запах преследовал его даже во сне. Остается только надеяться, что аромат ему понравится. Я пока еще не знаю, как буду воплощать вторую

часть плана в жизнь, но начало положено.

Выхожу в коридор и направляюсь в сторону общей комнаты, где расположен фонтан. Хая сказала, что я буду убирать там, помогая другим девушкам. Миную два поворота и сталкиваюсь нос к носу с ней самой, отчего сердце ухает в пятки. Хая прищуривается, смеряя меня внимательным взглядом.

– Ты куда ходила?

– Я заблудилась! – выпаливаю заранее заготовленную отговорку.

– Заблудилась в коридоре, в котором уже должна была изучить каждый сантиметр, пока бегала к господину?

– Хая, я была-то тут всего пару раз. Не сердись. Я сама не своя последние дни, соображаю плохо.

Она тяжело вздыхает и кивает себе за спину.

– Марш в общую помогать.

– Уже бегу.

Срываюсь с места и несусь быстрее, чем колотится мое сердце. Я точно уверена, что Хая видит меня насквозь, но почему-то не выдает. Не знаю, какими мотивами она руководствуется, но девушка упорно продолжает давать мне советы, при этом прикрывая мои промахи.

В честь того, что сегодня мужская половина пустует, по окончании тяжелого дня нам всем организовывают хамам. Мы целый час нежимся на теплых плитах, лениво поливая уставшие тела водой. Рядом со мной сидит Инас и болтает практически без умолку. Как ни странно, меня это не утом-

ляет, а наоборот, развлекает и позволяет хоть ненадолго вернуть себе состояние беззаботности и легкости.

– Я видела этого Шуджу, – шепчет она, наклоняясь ко мне, и заинтересованно смотрит в глаза. – Ты видела? – Я киваю. – Ох, и страшный. Бр-р-р. У меня аж волосы на затылке зашевелились. Слушай, Амира, расскажи про господина. Какой он?

– А ты еще не была у него?

Она качает головой.

– Он из новеньких только двух пока звал к себе.

– И они ничего не рассказали?

– Ой, да от них дождешься. Только ахали да охали. Мол, он такой-растакой. Типа, больно, но он был таким нежным.

Инас закатывает глаза, а я сцепляю зубы, вспоминая свой первый раз. Адский и ужасный, который навсегда закрыл мне двери в мир удовольствий, о которых вскользь рассказывала мама да шептались девушки в гареме. Какое уж тут удовольствие?

– Я не знаю, какой он, – выдавливаю из себя, когда понимаю, что продолжительное время молчу, а моя подруга все еще ждет ответ.

– Как это?

– Я ведь не была с ним в том смысле, о котором ты спрашиваешь.

– А вообще? Красивый?

Я прикрываю глаза и пытаюсь оценить его как мужчину,

но в голове только мысли о том, что он – монстр, который, вероятно, причастен к смерти моих родителей.

– Амира? – зовет меня Инас.

– Нормальный, – резковато отвечаю. – Я толком не видела, в комнате темно было.

– Ну что-то же ты рассмотрела, – не унимается она.

Я вздыхаю.

– Ох, Инас. Высокий, крупный. Глазищи такие, что по коже мороз, когда он на тебя смотрит. И руки большие, а на тыльной стороне ладоней вены толщиной с мои пальцы.

– Девочки говорят, красивый.

– Ну, девочкам виднее, – отвечаю недовольным тоном.

– Слушай, а ты так и собираешься оставаться служанкой? Тебе же, наверное, наследство после отца положено. Ты меня прости, что я так бесцеремонно, но мы же подруги.

– Подруги, – подтверждаю. – Не знаю я ничего про наследство, я в этом совершенно ничего не понимаю.

– А ты не узнавала, что случилось? – тише спрашивает она.

Я качаю головой, немного сильнее сжимая веки, которые начинает так не вовремя печь от непролитых слез.

– Нет. И пока не хочу знать. Позже выясню.

– Как?

– Не имею ни малейшего понятия.

– А хочешь, я покажу тебе новый танец? – резко переводит Инас тему, когда в хамаме начинает звучать другая музыка,

немного более чувственная, чем играла до этого.

Я распахиваю глаза и заставляю себя улыбнуться.

– Покази. – Это заставит меня переключиться.

Инас вскакивает со своего места и начинает кружиться, периодически поправляя ткань, которой обернуто ее обнаженное тело, чтобы та не сползла. Через несколько секунд к ней начинают присоединяться другие девушки, а спустя пару песен танцуют практически все. Обычно в гареме идет четкое разделение служанок с наложницами, но отсутствие хозяина дома и его свиты словно уравнило права тех и других. Сейчас мы не стоим на разных ступеньках социальной лестницы, не смотрим друг на друга с завистью и презрением. В эту минуту мы просто юные девушки, которые умеют веселиться. К всеобщему сумасшествию не присоединяются только фаворитки, продолжающие поглядывать на остальных со снисхождением, их персональные служанки, копирующие их взгляды, и я. У меня еще пока нет душевных сил для безудержного веселья. Но, по крайней мере, смех и радость большинства девушек заставляют меня немного приободриться и даже искренне улыбнуться. Может быть, в конце тоннеля все же есть свет. Если это так, то я буду бежать к нему, идти и даже ползти, только бы эта бесконечная черная полоса наконец закончилась.

Глава 12

После вчерашнего ударного труда сегодня вторая половина дня у всех девушек свободна, поэтому мы с Инас решили прогуляться по особняку и, в частности, осмотреть все дворы. Когда мне рассказали, что их четыре, я никак не могла понять, где и как они расположены. Получив четкие инструкции от одной из девушек, мы идем в направлении заднего двора.

– Итак, на переднем фонтан и аллеи с подъездной дорожкой, – перечисляет Инас. – На заднем сад и беседки для господина и его гостей. Внутренний – для женской половины, а второй – для прислуги.

Я киваю, рассматривая широкую лестницу, ведущую на второй этаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.